

Юрий Прокопенко

Его весна

Восхождение

Юрий Прокопенко

Его весна. Восхождение

«Издательские решения»

Прокопенко Ю. И.

Его весна. Восхождение / Ю. И. Прокопенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749225-0

Герой повести «Его весна» — молодой студент медицинского института. Становление врача проходит через все ступени роста — от работы медбратом в больнице, врачебной практики в подмосковном городке до работы дежурным врачом в московской поликлинике. Окончив аспирантуру, наш герой защищает диссертацию. Имея привлекательную внешность, он пользуется успехом у женщин. Он испытывает и радость близости, и огорчения расставаний с любимыми женщинами.

ISBN 978-5-44-749225-0

© Прокопенко Ю. И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Знакомство	6
Глава 2. Инна	13
Глава 3. В больничной тиши	23
Глава 4. Встречи с братьями	29
Глава 5. Преддверие практики	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

**Его весна
Восхождение
Юрий Прокопенко**

© Юрий Прокопенко, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Знакомство

Из четырех времен года больше всех Иван любил весну. Не оттепель, пришедшую вдруг среди зимы и поманившую своим неожиданным теплом, таянием снега на улицах Москвы, нахальным карканьем ворон и нежным пением синичек. Нет, не оттепель любил Иван, поскольку знал, что по законам природы, вслед за ней обязательно вернуться морозы, снежные вихри и заметут они все пути-дорожки. А любил он именно весну с ее уверенной поступью и обязательным безвозвратным приходом тепла. Талый снег превращается в ручейки и лужи, и набухают почки на кустах и деревьях, обещая скорое появление первых зеленых листочков. Конечно, на ее пути могут быть еще похолодание и даже короткие заморозки или вдруг выпадет снег, но, все равно, это движение к теплу уже не остановить.

Так и сейчас, Иван полной грудью ощущал неотвратимое приближение весны. Кончились трудные времена, сомнения и состояние неопределенности, когда не знаешь, что ждет тебя впереди. И хотя еще много сложностей на твоём пути и сегодняшний день не отличается безмятежностью, он теперь почти уверен в своём будущем. Как вслед за весной приходит лето, так и по окончании института он получит диплом врача. А пока что позади лишь половина пути: прошедшие три курса заложили фундамент медицинских знаний о здоровье и болезни, о человеке и окружающем его многообразном мире. Сданы более тридцати экзаменов и по их результатам уже стало ясно «кто есть кто»: кто отличник, кто хорошист, а кто едва тянет тяжёлую лямку знаний. Среди друзей и товарищей Ивана были и те и другие и третьи. Сам же он совсем недавно стал отличником. Ему нравилось сдавать экзамены и получать пятерки. В этом был своего рода спортивный азарт, а кроме того, будучи отличником, Иван получал повышенную стипендию, что было весьма кстати, так как совсем недавно он обзавелся семьей и собственным домом. Не домом, конечно, и не собственным, а комнатой в коммунальной квартире, но все равно своей.

Иван не был «ботаником» и не зубрил материал перед каждым экзаменом, как это делали многие его товарищи. Просто он обладал хорошей памятью, имел аналитическое мышление и разработал собственную методику систематизации и усвоения материала, включая и подготовку к экзаменам. Это еще с первого курса помогало ему легко готовиться к экзаменам и без труда получать «отлично». Да, Иван не был ботаником, это точно. Он был хорошо физически развит, занимался спортом, играл за сборную института по футболу. Будучи, от природы, красивым парнем, имел успех у девушек. Свои любовные романы он называл «эскизами», ибо считал, что это всего лишь зарисовки к портрету жизни, которая у него впереди. И эти «эскизы», в конце концов, переросли в женитьбу. После третьего курса они с невестой сыграли веселую свадьбу, и у них началась новая семейная жизнь со всеми плюсами и минусами. Если с плюсами было все понятно, то минусы представлялись в виде бытовых сложностей, главным образом, финансовых. Семье хронически не хватало денег и это подвигало Ивана на их поиски. Пока что единственным дополнительным источником денег была повышенная стипендия и, понимая это, Иван старался не потерять ее.

После сессии была так называемая сестринская практика в одной из больниц на улице Дурова. Там он был вместе со своим другом Мишей Шустовым. Они учились в одной группе и вместе играли в футбол. В остальном Иван и Миша были совершенно противоположными людьми. Иван был красив собой, а Миша скорее относился к парням с незаметной внешностью. Если Иван был черноволос с большими глазами небесного цвета и некрупным правильной формы носом, то Миша, к сожалению, имел тонкие светлые волосы, глаза непонятного цвета, несколько крючковатый нос. Ивану учеба давалась легко, но у Миши были сплошные тройки, абсолютно по всем предметам. Различия между Иваном и Мишей не мешали им дружить. Миша даже был свидетелем на свадьбе Ивана.

Медсестринская практика включала все необходимые при уходе за больным процедуры: постановку горчичников, банок и клизм, а также уколов подкожных и внутримышечных. От умения делать уколы складывалось отношение больных к медицинским сестрам. «У нее легкая рука», – говорили о тех, которые умели делать уколы не слишком больно. Про тех же, кто делал уколы больно, говорили, что у нее тяжелая рука. А уколов приходилось делать штук по двадцать ежедневно. Иван, конечно, хотел научиться делать уколы как можно без боли, чтобы меньше доставлять страданий больным, которые и так страдают достаточно из-за своих недугов. Однако это не всегда получалось. И когда Иван чувствовал, что причиняет больному дополнительные страдания, это его огорчало. Миша старался не делать уколы совсем. Ему не нравилась эта работа. В конце медсестринской практики Иван так вошел во вкус, что получил согласие заведующей терапевтическим отделением на занятие полной ставки медицинской сестры с начала сентября. Договорились о ночных дежурствах восемь раз в месяц, что соответствовало одной полной ставке и давало возможность Ивану увеличить свой месячный бюджет.

Летний отдых семья Ивана провела в Полтаве, что вполне соответствовало традициям Белецких. Дело в том, что семью Белецких многое связывало с этим южным украинским городом. Там родилась мать Ивана Ольга Григорьевна. Там она повстречала своего будущего мужа – Павла Ивановича, молодого офицера Красной Армии и там же они поженились, после чего уехали жить и служить на Дальний Восток. В Полтаве до последнего времени жила тетя Ольги Григорьевны баба Галя, которая в возрасте семидесяти семи лет умерла от гипертонического криза. Павел Иванович уйдя в запас в звании полковника построил в Полтаве большой на две семьи дом для себя и для бабы Гали. Но не так давно он вынужден был продать свою половину дома, так как был принят закон, запрещающий иметь два дома в разных городах. И вышло так, что Павел Иванович должен был сделать выбор: либо уехать жить в Полтаву, где он был собственником своей половины дома и выписаться из московской квартиры, либо продать свое жилье в Полтаве, сохранив, таким образом, прописку и квартиру в Москве. Конечно, это был неправильный закон, как и многие законы и постановления, принимаемые правительством в ту пору. Одним из таких законов, по мнению Ивана, был закон запрещающий выпускникам школ поступать в гуманитарные институты до получения двухлетнего производственного стажа. Этот закон был принят в 59-м году, как раз по окончании Иваном средней школы, и радикальным образом разрушил его мечту стать писателем. Иван очень старательно готовился к поступлению в литературный институт, он писал рассказы и показывал их в некоторых журналах, имел положительные отзывы и мог рассчитывать на успех при сдаче экзаменов по специальности. Увы, все сложилось по-другому. Иван проработал два года на ТЭЦ в качестве слесаря по приборам и автоматике. Собирался сначала поступать в энергетический институт, но потом, по совету приятеля, поступил в медицинский. По иронии судьбы его приятель тоже поступил в тот же институт, но был отчислен с первого курса за неуспеваемость.

Отец Ивана, Павел Иванович сделал свой выбор в пользу Москвы. Он продал свою половину дома, а вырученные деньги поровну разделил между четверьмя детьми, определенную часть оставив себе с женой. Для Ивана было это весьма кстати, так как к этому времени он созрел со своей женьбой и деньги ему были весьма нужны.

В один из дней сентября, когда начался четвертый курс, Иван направился в больницу на улице Дурова. Заведующая терапевтическим отделением встретила его с улыбкой:

– Иван Белецкий, а я была уверена, что ты придешь. А что твой приятель, наверняка передумал, так ведь?

– Да, Миша передумал. Учиться и работать, ведь это совсем не просто, – заметил Иван. – У меня семья и я должен заботиться об ее обеспечении. Потому я здесь и готов поработать.

– А как надолго твои планы, на весь год или как?

– Судя по раскладу занятий, предстоящий семестр не будет очень трудным и я, скорее всего, смогу поработать до начала следующего семестра, то есть до февраля включительно, а там будет видно.

– Хорошо, – заметила заведующая отделением, – так и сделаем. В графике работы медицинских сестер на сентябрь и октябрь есть свободные ночные дежурства, которые ты можешь взять себе. Наши девчонки не очень любят работать по ночам. А тебе как раз удобно работать вечером и ночью, так как ты учишься днем. Верно?

– Верно, – согласился Иван и с заинтересованностью взглянул на график. Получилось восемь дежурств, каждое по шестнадцать часов, то есть работа с четырех дня и до восьми утра. Его обязанности: принять смену, раздать больным вечерние лекарства и сделать процедуры, а ночью быть на чеку, если кому из больных будет плохо.

– Ну, ты ведь это знаешь, ты, если мне не изменяет память, уже бывал на дежурстве один или два раза во время практики.

– Да, – подтвердил Иван, – у меня было два дежурства. Я думаю, что я справлюсь. Потом, ведь я буду не один, а с медицинской сестрой, у которой больше опыта, чем у меня.

– Да, это так. Состав наших сестер практически не изменился с лета, и ты наверно помнишь многих из них. Ну вот, Иван, если возражений нет, то пиши заявление и приступай завтра с четырех часов.

Возражений у Ивана не было, и он поспешил домой, чтобы обрадовать жену: в семье появятся дополнительные деньги. Люся, конечно, с радостью встретила это известие – денег в семье катастрофически не хватало, но тут же заметила:

– Восемь вечеров и восемь ночей в месяц мы будем в разлуке. Это кошмар. Я буду спать одна, без тебя. Зачем мы тогда поженились, чтобы не быть вместе.

– На самом деле, девочка моя, в разлуке мы будем больше, чем ты думаешь. Завтра утром я уйду в институт, а оттуда к четырем часам поеду в больницу. После смены я вновь поеду в институт и только после занятий я приеду домой. Возможно, ты в это время будешь у себя на работе и только после восьми вечера мы увидим друг друга. Вот как в реальности все это может быть.

– Кошмар, я не вынесу этого. Иван, откажись от этой работы. Мы как-нибудь проживем и без этих денег.

– Нет, не проживем. Так можно прожить неделю, две, но не полгода. Мы как-нибудь справимся с нашей временной разлукой. Когда будем вместе, будем стараться беречь свое время, не тратить его по пустякам. И вообще надо быть готовыми ко всему, в том числе и к разлукам. В жизни все может случиться.

Иван обнял и поцеловал жену.

– А пока, давай, сообразим что-нибудь на ужин. Я думаю, стоит отметить начало моей практической деятельности в медицине, причем такой, которая будет приносить нам деньги. Давай выпьем вина, а завтра в путь.

Ужин был предельно прост: котлеты из магазина и поджаренный картофель. Большого не могли себе позволить Белецкие. Зато было крепкое вино ни самого высшего качества и отдых на узком диване, привезенном ими со старой квартиры. Стоит напомнить о том, что в молодые годы простенький ужин и узкое ложе с любимой женой казались в сто крат слаще любых других благ.

На следующий день в четыре часа дня после занятий Иван открыл дверь терапевтического отделения. В отделении было восемь палат и тридцать две койки, соответственно, тридцать два больных. Это было мужское отделение, что конечно облегчало Ивану уход за больными. Медицинскую сестру, с которой Иван разделял свое первое дежурство, звали Светой. На вид ей было лет тридцать – тридцать два. Светлые волосы, прикрытые медицинской шапочкой, и довольно угрюмое лицо, в котором даже при большом желании трудно было разглядеть

симпатию. Ее полноватая фигура внушала чувство надежности и спокойствия. С Иваном она поздоровалась, сказав, что еще никогда ей не приходилось работать рядом с медицинской сестрой мужского пола. Иван проглотил эту колкость, заметив, что всегда что-нибудь приходится делать впервые. Света лишь фыркнула на это замечание Ивана и сказала, что если у него возникнут какие-нибудь вопросы по ходу дела, то может обращаться к ней, что заведующая велела ей «присматривать за Иваном и при необходимости помогать», хотя, впрочем, это не входит в ее обязанности. Потом она отошла от Ивана и направилась на свой пост.

Иван сидел за своим рабочим столом, и изучал оставленное ему наследство от дневной смены. Шестнадцать больных, вот список их фамилий и имен с диагнозом против каждой. Вот список лекарственных назначений: отдельно инъекции, отдельно таблетки и микстуры. И так, сначала, инъекции. Биксы со стерильными шприцами и иглами. В этом стеклянном ящичке ампулы. Какие из них потребуются сейчас? Взяв список назначений, Иван открыл дверку ящичка и стал выбирать нужные ампулы. Все это он расставил перед собой, как патроны, перед заправкой их в магазин. Иван улыбнулся своему сравнению и подумал: «Ничего, справимся».

Возможно, медленнее, чем у других медицинских сестер, но все – равно у Ивана все получилось без каких-либо проблем. Некоторые из больных, получив свою инъекцию, отмечали, что укол был совсем безболезненный и что у Ивана легкая рука. Некоторые больные не без удивления расспрашивали Ивана, что означает его работа как медбрата в палате больных. Иван кратко отвечал, что он студент четвертого курса и материальная необходимость, а также желание иметь непосредственную практику с больными, заставили его временно поработать. Большинство из больных отреагировали на это объяснение положительно. Один даже заметил, что вот из таких ребят вырастают настоящие врачи. А другой больной спросил:

– Слышишь, парень, я немного стесняюсь тебя спросить. Мне кажется, ты летом здесь работал. У тебя еще был приятель, такой светленький?

– Точно, – ответил Иван, всматриваясь в лицо больного. Ему он тоже показался знакомым. – Да, я тоже вас узнал. Помню, у вас тогда был приступ бронхиальной астмы, и я вам делал укол?

– Я уже сейчас и не помню с точностью. Их столько было этих приступов. А что ж приятель твой не пришел работать? Мне еще тогда показалось, что он как-то сторонится больных, боится что ли?

– Да нет, не боится, но и не очень стремится. А не пришел работать, значит, нет нужды. Родители его обеспечивают полностью.

– Ну, ты парень не тушуйся. Ты все правильно делаешь. Так держать и все будет в порядке. А на всякий случай приготовь мне шприц с лекарством, что мне колют при приступе астмы, чтобы ночью тебе не дергаться. Я и сам могу вколоть. Давно уже научился.

– Ладно, сделаю, – сказал Иван и вышел из палаты. Теплое, почти дружеское отношение больных к нему, вызвало чувство облегчения и уверенности в себе. «Великое дело контакт между больным и врачом», – подумал Иван и принялся раскладывать таблетки и разливать микстуры. Потом санитарки и работники кухни прикатили тележки с ужином. К этому часу появились родственники больных и посетители. Многие из них поглядывали на Ивана с любопытством, но стеснялись поговорить с ним. Некоторые подходили к Свете и спрашивали ее о чем-то. Та давала разъяснения, поглядывая на Ивана. Говорили тихо, и Иван ничего не мог расслышать. Но и без этого было ясно: увидеть на посту медицинской сестры молодого парня в белом халате было почти в диковинку. Но вот одна женщина подошла к Ивану:

– Здравствуйте, вы меня не помните? Я жена Иванова, того больного, что у окна, с бронхиальной астмой. А я вас узнала. Вы летом здесь были на практике, верно?

– Верно, – ответил Иван, – я сделал все назначения вашему мужу. Его состояние сейчас вполне приличное. Если вдруг случится приступ, у меня наготове ампула и шприц. Не вол-

нуйтесь. Все будет хорошо. А потом я посмотрю историю болезни и смогу проконсультировать непонятные вопросы со своими профессорами, если в этом будет необходимость.

– Ой, спасибо вам большое. Вы знаете, здесь врачи очень хорошие, внимательные. Наверно, не нужно беспокоить своих профессоров.

– Я пока не знаю. Если будет нужно, то почему бы и нет. Лишнее мнение специалиста никогда не помешает.

– Ну, конечно, вам виднее. Не буду вас отвлекать. До свидания.

И с извиняющимся видом и с чувством благодарности эта немолодая женщина, переполненная жизненными заботами и хлопотами о больном муже, ушла в палату. После восьми вечера посещения закончились, и в отделении стало тихо.

– Ну вот, теперь и мы можем попить чайку. – Света подошла к Ивану и улыбнулась ему. – А ты молодец, летал как метеор и все успел сделать до ужина. Это важно, ведь кухня ждать не будет, а назначения нужно сделать до еды. Ну, давай, у тебя там есть что-нибудь к чаю?

– Да вот, – сказал Иван, вынимая из портфеля сверток с заранее приготовленным ужином, – бутерброды и пара булочек.

– Вот и хорошо. Чай и сахар у нас общий. Мы скидываемся время от времени и покупаем все это впрок. Чайник я уже включила. Сейчас принесу, заварим чай и посидим.

На этот раз Света показалась Ивану гораздо приветливее, будто с нее свалилась какая-то тяжесть, мучавшая ее. За чаем разговорились.

– У меня дочка. Сейчас она пошла во второй класс. Представляешь, совсем маленькая девчонка и одна ночью дома, а утром в школу, опять – таки, как соберется без меня. Спасибо соседка по квартире может присмотреть, чаем напоить, завтраком накормить, в школу собрать. Но ведь все время не будешь пользоваться услугами чужих людей. А мужа у меня нет. Ушел он от нас. Уже три года как одна. Терпеть не могу эти ночные смены. А что делать? Ведь и ночью кто-то здесь должен работать. Хорошо вот ты пришел на подработку. Все-таки забрал у нас восемь ночей. А так нам бы пришлось по одной или две лишних ночи в месяц торчать здесь. Все девчонки так рады, что ты пришел.

– Это очень хорошо, что со мной вместе пришла радость. Я, в свою очередь, тоже рад, что ни у кого не отнял кусок хлеба, что моя работа идет не в тягость другим.

– В тягость, скажешь тоже. Я ж тебе говорю, что практически все девчонки очень довольны. Им тоже не с руки ночные дежурства, молодые еще и погулять хочется. У нас в основном незамужние девочки. А годы идут, и где встретишь своего суженного. А если и встретишь, то, как оно еще обернется.

По всему было видно, что Света до сих пор переживает нанесенную ей обиду. Это как неизгладимый мрачный след от развода с мужем.

– Послушай, Света. А почему вы развелись. Ведь у вас совместная дочь. Это весомый аргумент в пользу крепкого брака.

– Простая история. Он встретил другую, моложе меня, красивее. Она оказалась настоящей и «охмурила» моего муженька. Я и раньше замечала, что он стал холоднее со мной. В постели все норовит к стенке отворачиваться. А тут однажды пришел и говорит: «Я полюбил другую женщину. Я ухожу от тебя. Мы должны развестись, чтобы все было по честному». Ничего себе, думаю, по честному. Ему – молодая жена, а мне – одиночество, да еще с ребенком. А дочка как же? Она все спрашивает, где ее папа? По началу, ей трудно было понять, как это папа ушел от нас, бросил нас. Сейчас – то она стала взрослой, стала понимать. И даже меня утешает, когда я плачу. Говорит, что я молодая и встречу еще себе нового мужа. Как все просто у детей.

– Ну, в общем – то, дочка хоть и маленькая еще, но говорит правильно. Конечно молодая. Сколько тебе, прости за нескромный вопрос. Двадцать восемь?

– Почти угадал. Двадцать девять. Скоро будет тридцать.

– Ну и что? Какие твои годы. А внешность? Прекрасные данные. Просто не надо кукситься. Больше улыбаться и думать о хорошем. Может быть, стоит поменять работу. Ну что это за работа. Кто тебя здесь окружает? С кем ты общаешься?

– Да, ты прав, Иван. Я и сама думала уйти на другую работу. Я ведь оканчивала училище по курсу хирургии. А работаю здесь. Ближе к дому и проще. Опять – таки меньше ночных смен, чем в хирургии.

– Ничего, дочка вырастет и становится все более самостоятельной. Попривыкнет порой оставаться дома без мамки. Да и соседка, говоришь, помогает.

– Ты все правильно говоришь. Вот бы мне, такого как ты. Да, все хорошие мужики уже давно разобраны, – Света глубоко вздохнула и улыбнулась Ивану.

Иван сочувствовал своей собеседнице, но отлично понимал, что ее случай банальный, весьма распространенный, почти типичный для женщин «среднего уровня». Так он оценил ее внешние данные, хотя в разговоре с ней представил ее на ступень выше. Чем может он ей помочь. Поспросить на кафедре хирургии. Нет ли вакансий? Можно, конечно. Найдешь место, а она передумает. Получится конфуз с Иваном в главной роли.

– Ладно, Ваня, давай отдыхать. Можешь устроиться на кресле. Их два. Одно твое. Да, я вот что еще хотела тебе сказать. Когда девчонки узнали, что ты приходишь работать, случился переполох, они все заметно оживились. Многие тебя видели, когда ты был на практике. И многим ты понравился. Особенно одной. Не помнишь такую, миленькую с курносый носиком, коротко стриженую блондинку, Инной ее зовут. Так она прямо заявила, что попытается подружиться с тобой. Ей говорят, что ты недавно женился и что ни на кого не смотришь. А она в ответ лишь улыбнулась, дескать, посмотрим еще. В общем, я тебе ничего не говорила. Это так, по дружбе. Ладно?

– Ладно. Я ничего не слышал и девчонки с такой внешностью и таким именем я не знаю и, возможно и не узнаю. Кто будет моим напарником в следующую смену – это рулетка. Может случиться так, что я никогда не встречу ее. Иди, отдыхай, а я посмотрю истории болезни. Мне это будет полезно.

Света убрала чайник, свою чашку, сахарницу, подошла к своему столу, что-то там поправила и уселась в кресло. В коридоре напротив палат стояли два кресла, почти рядом. С обеих сторон от кресел – кадки с большущими раскидистыми пальмами. Своими ветвями они почти полностью закрывали от посторонних глаз сестру, сидящую в кресле. Для ночного отдыха это было удобное место. Иван сел за стол, достал несколько историй болезни и углубился в их изучение. «Что это за Инна такая? – отвлекся от чтения Иван. – Любопытно». Но вскоре Иван забыл про Инну, почитал еще немного и тоже отправился в кресло. В соседнем кресле уютно устроившись, посапывала его напарница. Стараясь не шуметь, Иван опустил в свое кресло и закрыл глаза. В коридоре отделения горел голубоватый ночной свет. «Вот и все проблемы, – подумал Иван, посмотрев на Свету, – а жизнь берет свое».

Иван задремал и ему приснился сон. Он видел себя на берегу реки и рядом были зеленые заросли, и какая-то девушка в красном купальнике вышла из воды и подошла к Ивану. Она прикоснулась к нему мокрой рукой и хотела что-то нашептать на ухо. Иван открыл глаза. В коридоре горел голубоватый свет. В кресле рядом дремала его напарница. Было тихо и сонно. Однако Иван проснулся не зря. Чутко спать Иван научился, работая дежурным слесарем на ТЭЦ еще до поступления в институт. Находясь в своей дежурной комнате, которая имела большие стеклянные окна, Иван откидывался на спинку стула, прикрывал глаза и незаметно для всех проходящих мимо, дремал. Однажды его приятель, веселый парень, надумал разыграть его и еле слышно вошел в кабину. Однако через открытую дверь шум котельного цеха ворвался внутрь комнаты и разбудил Ивана. Шутка не удалась, а по ночам Иван продолжал практиковать свой полусон с прикрытыми глазами. И сейчас Иван увидел, что дверь напротив его кресла слегка приоткрылась, и в коридор вышел тонкий сутулый человек. Он тяжело

дышал. «Это астматик, – узнал своего больного Иван, – наверно приступ и он пришел за уколом». Иван быстро встал и направился к своему столу. Там на салфетке лежал бикс и в нем стерильные шприцы и иглы. Рядом была коробочка с ампулами. Иван быстро приготовил все для инъекции и усадил больного на стул рядом со столом. Протер кожу ваткой со спиртом, сделал инъекцию, и через пару минут дыхание больного стало заметно свободнее.

– Зачем вы встали? Могли нажать тревожную кнопку, и я пришел бы. Вам не нужно резко вставать.

– Я не хотел будить других ребят в палате. Все так хорошо спят, один я мешаю другим спать, – слегка отдышавшись, сказал больной.

– Ну, раз уж мы не спим, давайте я вас посмотрю. Я не нашел записей вашего статуса во время приступа астмы, а это важно. Ведь астма может быть разной природы, а кроме того сопровождаться другими симптомами. Не возражаете, я сейчас померяю вам давление и послушаю вас?

– Сделай одолжение. Все равно не спим.

Иван достал из портфеля фонендоскоп, с которым он не разлучался с начала третьего курса. Из ящика стола – ртутный манометр для измерения артериального давления. Давление оказалось сниженным, и тоны сердца ему не понравились. Иван отчетливо уловил тахикардию и аритмию, что, скорее всего, означало нарушение проводимости в миокарде. «Хорошо бы сейчас сделать ЭКГ, – подумал Иван, – но такой возможности нет. Утром следует сообщить лечащему врачу о приступе и моих наблюдениях сразу после его купирования. Стоит также записать инъекции. Кроме того, наверно, неплохо бы сейчас дать валокордин или корвалол». Иван накапал корвалола и протянул мензурку больному.

– Ну вот, а теперь спать и ни о чем плохом не думать.

– Спасибо, доктор, – тихо произнес слова благодарности больной.

– Еще не доктор, – заметил Иван.

Больной ничего не сказал, лишь крепко пожал лежащую на столе руку Ивана. Встал и, слегка ссутулившись, пошел в палату. Иван посмотрел вслед уходящему больному и подумал: «Хотя я еще и не доктор, но все же приятно, когда можешь помочь больному». Иван убрал разбитую ампулу, использованный шприц с иглой, манометр. Фонендоскоп оставил лежать на столе. Одно осталось неясным Ивану: имеет ли он право делать какие-либо записи в истории болезни, где пишут только врачи? Чтобы не вызывать раздражение лечащего врача и не делать что-либо, что могло бы показаться нарушением врачебной этики, Иван решил ничего не писать в истории болезни. Свои записи он сделал на отдельном листе бумаги и приложил их к другим записям. Над подписью он также подумал некоторое время. Без подписи его записка всего лишь бумажка. Подумал и написал: «Дежурный медбрат, студент 4 курса мединститута, Белецкий И. П.».

После шести утра, когда уже стал пробиваться дневной свет, пришла санитарка с ведром и шваброй. Света, спавшая в кресле, встала и с недовольным видом потянулась, посмотрев на санитарку, начавшую мыть полы от окна, где стояло ее кресло. Ивану показалось, что сделала она так, нарочно побеспокоив Свету. «Везде существуют мелкие вредности», – подумал Иван, то же встал с кресла и пошел на свой пост. По окончании смены он передал составленный им краткий отчет о количестве сделанных процедур и расходе лекарств сменившей его медицинской сестре. Так кончилось первое ночное дежурство Ивана.

Глава 2. Инна

В медицинское училище Инна поступила без проблем – школьных знаний вполне хватило для этого. И училась она с охотой, не было особых сложностей, словом, было легко. А где легко, там и соблазны всякие появляются. Так и вышло: танцевальные вечера, знакомства часто занимали девчонку. А потом образовался друг или парень, с которым она стала встречаться. Звали его Борис. Эта дружба постепенно переросла в любовь. Инне показалось, что ее посетило настоящее чувство. Парень был старше ее на три года, крепкий, симпатичный и отслуживший в армии. Работал он на каком-то предприятии и у него, как говорится, водились деньжата. У него даже появился старенький «Москвич», который ему, как он говорил, предоставили на работе, и он разъезжал на нем, развозил какие-то мелкие товары и бумаги, а порой и Инну отвозил в училище. Инне все это очень нравилось. Она тогда, как впрочем, и сейчас была очень симпатичной девушкой. Невысокого роста, прекрасно сложенная фигурка, заметная грудь, ровная спина, тонкая шея и аккуратная головка, обрамленная светлыми волосами, делали ее не только симпатичной, но и соблазнительной. Все друзья Бориса ходили вокруг Инны с нескрываемым интересом, завидовали ему. «Такую девчонку отхватил, – говорили они, – смотри, отобьем». И чтобы никто не смог отбить ее, Борис решил полностью овладеть ею, сделать ее своей любимой женщиной и невестой. В конце концов, уже пора жениться, а девушка она видная и мама у нее интеллигентный человек, а жить можно было бы у нее, на первых порах, как – никак у Инны была приличная двухкомнатная квартира. А потом видно будет. Возможно повышение по работе, дополнительный заработок. Можно снимать квартиру отдельно от тещи, да и многое другое может быть в будущем, когда тебе двадцать три, и ты влюблен. Словом, по всем расчетам выходило, что Борис должен жениться на Инне. И однажды он ей сказал об этом. Они сидели вечером в кафе, пили кофе, ели мороженое, была легкая музыка и Борис спросил:

– Инна, как ты смотришь на то, чтобы стать моей женой?

– Вообще-то положительно, но не сейчас. Я бы сначала хотела окончить училище и пойти работать. За женитьбой могут появиться дети, а мне бы сейчас не хотелось их иметь. Да и жить с мамой – это не просто. Или у тебя есть другое приличное жилье?

Другого приличного жилья у Бориса не было. Зато у него были два младших брата, родители и старая бабка, за которой требуется уход.

– Ну а если мы год-другой проживем с твоей мамой, ничего страшного в этом нет. Мне кажется, она интеллигентный человек и мы сможем с ней поладить.

– Хорошо, я попробую с ней поговорить. Если она поймет нас и будет не против, тогда ты сможешь попросить у нее моей руки. Согласен?

Борис был согласен. От представлений о том, что он будет обладать этой прелестной девушкой, у него кружилась голова. О! Он позаботится о том, чтобы его семья жила прилично, он уже знает, как это сделать. Но ни с кем Борис не делился своими планами. Никто не ведал о них, даже Инна.

Этим же вечером, придя домой, Инна под села к маме, смотрящей телевизор.

– Мама, можно с тобой поговорить?

– Поговорить? Что-нибудь случилось? – с тревогой спросила мать.

– Нет, пока ничего не случилось. Но это серьезно. Как бы ты посмотрела на то, если бы я вышла замуж, и мой муж переехал к нам жить?

Мать довольно долго молчала, потом выключила телевизор, вышла на кухню, налила себе чаю и с чашкой вернулась в комнату.

– У тебя есть жених, кто он? Давно ли ты его знаешь? Кто его родители? На какие средства вы будете жить? А дети? Не кажется ли тебе, дорогая, что одного горя нам пока достаточно? Не случится ли с тобой также как с твоей матерью?

– Очень много вопросов, мама. На некоторые из них я могу ответить сразу, на некоторые нет. А что может произойти потом, этого никто не знает.

Беседа Инны с матерью затянулась за полночь. Они так и не пришли к согласию. И дело даже было не в том, чтобы парень поселился у них. Мать Инны боялась повторения печальных событий с ее замужеством. В завершении сошлись на том, что ему следовало бы прийти в их дом и познакомиться с матерью.

– Я хочу посмотреть на него. В конце концов, у меня есть опыт работы с людьми.

На следующий день часам к шести вечера Борис с букетом цветов и коробкой конфет стоял перед дверью квартиры Инны и давил на кнопку звонка. Дверь открыла Инна и сделала удивленное лицо, хотя отлично знала, когда придет Борис.

– Здравствуй, проходи, пожалуйста.

Инна провела Бориса в комнату. На встречу вышла ее мать. Борис протянул женщине цветы. Коробку конфет отдал Инне.

– Мам, познакомься. Это Борис.

– Очень приятно, – выдавила из себя улыбку, – меня зовут Клавдия Васильевна. Спасибо за цветы, проходите, пожалуйста. Вот сюда, за стол. Сейчас будем пить чай.

Наверно, трудно найти такую московскую семью, где бы ни предложили гостям «попить чайку». За чаем Борис первым изложил свои намерения, определив их как серьезные. Он признался, что Инна ему очень нравится, и он был бы счастлив, создать с ней семью. Клавдия Васильевна на это ничего не ответила, лишь улыбнулась скупой. А когда прощались у двери, и Инна собралась проводить Бориса, мать сказала: «Борис, приходите к нам почаще. Может быть это лучше, чем ходить по танцуйкам. Инна, не долго, завтра рано вставать».

А когда закрылась входная дверь, Клавдия Васильевна подошла к столу, налила себе остывающий чай, взяла конфетку из коробки, принесенной Борисом, и подумала: «Видный парень и симпатичный. Может и вправду выдать дочку за него замуж. Придет к нам жить? Ну что ж. В доме должен быть мужчина. А родится ребенок, можно будет встать на очередь на улучшение». В некоторых учреждениях в ту пору существовала такая практика улучшать жилищные условия своих сотрудников по мере необходимости. Клавдия Васильевна работала именно в таком учреждении.

Борис стал вечерами навещать свою невесту и ее маму. Иногда даже предлагал свои услуги по хозяйству, ведь у него была машина. Словом, он вращался в семье, и это воспринималось положительно как Клавдией Васильевной, так и самой Инной. Борис для Инны становился все ближе и его намерения все понятней. Среди этих намерений было его страстное желание овладеть ею. И хотя у Инны была другая точка зрения на этот вопрос, она чувствовала, что долго отстаивать свою позицию непогрешимости она не сможет. И вот однажды это случилось.

У студенток медицинского училища началась практика, включающая ночные дежурства, после которых полагался день отдыха. Инна имела неосторожность сказать об этом Борису. Она пригласила его к себе на утро после ухода матери на работу. Сделав это, она поняла, что, наверно, была готова стать женщиной.

Инна встретила Бориса в домашнем халатике. Он прошел за ней в ее комнату и остановился рядом с кроватью. Потом притянул к себе Инну и стал снимать с нее халатик. Движения его были нетерпеливые, порывистые, он чуть было не оторвал одну из пуговиц. Инна хотела остановить его, но уже было поздно. Что-то звериное возникло в нем, и он с силой опустил Инну на кровать, накиннулся на нее, как лев на маленькую лань. Казалось, еще минута и он зарычит. Инне стало страшно. «Боря, не надо так грубо, мне больно», – прошептала она. Борис молча стремился к завершению своих действий. Когда он поднялся с кровати и стал заправ-

лгать рубашку в брюки, посмотрел на лежащую рядом девушку. Инна представляла собой жалкую картину. Растерзанный ее вид, подавленность и смятение отражал ее жалкий взгляд, обращенный в сторону Бориса. «Что это было?» – подумала она. И решила, что это было все, что угодно, но только не любовь. А стоящий у ее кровати парень не был тем, кого она считала своим любимым.

– Боря, зачем ты так? – спросила она. Борис смущенно улыбнулся и отошел от кровати.

– Прости меня, я и сам не понял, что со мной произошло. Я не хотел так. Я очень люблю тебя и я просто потерял голову, когда увидел тебя без одежды. Извини, в другой раз будет лучше.

Инна встала, молча накинула на себя халатик и пошла в душ. Стоя под тугими струями горячей воды, она ощущала на своем теле тяжесть тела Бориса, болезненность в мышцах от крепких объятий, жжение в паху. «Не так я представляла себе этот акт. Неужели все девушки, становясь женщинами, испытывают то же самое, что и я? А мужчины, если знают об этом, неужели не могут быть терпеливей, нежнее. Ведь я совсем не сопротивлялась, и можно было это сделать как-то по-другому, по деликатней, что ли». Постепенно неприятные чувства, возникшие после любовного контакта с Борисом, стали утихать. Инна насухо вытерлась махровым полотенцем, одела халат и застегнула его на все пуговицы, поправила перед зеркалом прическу и попыталась улыбнуться своему отражению. Получилось плохо. Выйдя из ванной комнаты, она увидела Бориса, сидящего за столом в большой комнате и разглядывающего какой-то иллюстрированный журнал. Он обернулся и, увидев вошедшую Инну в полном порядке, сказал:

– Я думал, что ты совсем не выйдешь из душа. Знаешь, мне пора идти. Меня ждут на работе. Сейчас, как назло, навалилось много дел. Я, может быть, вечером загляну к тебе. Привет маме.

– Заглядывать совсем не обязательно, – с иронией отозвалась Инна, – у меня сегодня день отдыха, а мне и без тебя хорошо.

– Ты что обиделась? Зачем ты так? Ведь я извинился за резкость, может быть грубость. Пойми, я не сдержался. Ну, не каждый же день случается такое. А сейчас прости, мне, правда, надо уезжать. До вечера.

Инна проводила Бориса до двери, и когда он ушел, почувствовала облегчение. «Даже не было дежурного поцелуя, – подумала она, – нет все-таки это не любовь, а нечто другое. Может быть, это и есть всего лишь плотское желание овладеть симпатичной девчонкой, похоть. Что же будет дальше? Рассказать матери или нет? Лучше будет промолчать. Наверняка она разорется, будет оскорблять меня, назовет шлюхой или еще, похуже. Пусть это будет моей тайной и Бориса, если он порядочный человек». Подойдя к кровати, она увидела пятнышко крови на простыне. «Вот все, что осталось от моей девственности, – с иронией подумала она, – надо застирать, что бы высохло, пока мать не придет с работы». Вечером Борис не пришел. Он лишь позвонил и сказал, что у него много дел, что он хотел бы приехать, но не сможет. Под конец разговора он добавил, что любит, целует и опять хочет ее. Инна была сдержанной и холодно ответила ему, что ей хорошо и без него.

Случайно ли или преднамеренно, но встречаться они стали реже. Борис ссылался на то, что в последнее время навалилось много работы, что он валится с ног. Инна не хотела выяснять истинную причину охлаждения к ней Бориса. Гордость брала свое. Так прошло несколько недель. Клавдия Васильевна даже как-то спросила дочь, почему не приходит к ним Борис. Раньше почти каждый вечер бывал у них дома, а сейчас она даже забыла, как он выглядит. Потом, она поинтересовалась, не случилось ли что. При этом она пристально, с подозрением посмотрела на Инну. Что могло произойти? Просто, говорит, что много работы, что любит, как и прежде. В общем, ничего не произошло. В этом Инна сумела также убедить и себя.

Однако Борис снова стал проявлять активность. Он настаивал на том, что они вновь должны быть вместе, как и прошлый раз. Говорил, что очень соскучился за то время, что был занят делами, что теперь у него все в порядке и было бы хорошо встретиться у Инны дома утром, когда нет матери. За прошедшие недели Инна тоже соскучилась по Борису и была совсем не против повторить их первый сексуальный опыт. Она надеялась на лучшее. Выбрали день, когда можно было пропустить занятие, и Борис приехал к Инне. Она встретила его все в том же халатике. На этот раз Борис был сдержаннее, хотя все равно он проявлял нетерпение, крепко обнимал девушку, целовал ее обнаженные плечи, спешил расстегнуть пуговицы халатика. Наконец, она сдалась. Пусть делает, что хочет. И все получилось уже не так, как в прошлый раз. Инна не чувствовала никакой болезненности или даже раздражения. Напротив, его движения доставляли ей некоторое удовольствие. А когда все завершилось, она почувствовала облегчение от того, что все закончилось, и Борис был доволен и спокоен. Он нежно ее поцеловал и встал с постели. Инна отправилась в душ. Она знала, что после полового акта делать это надо обязательно и очень тщательно. Все-таки она была почти медицинской сестрой. Уже вечером она размышляла над тем, что движет женщинами в любви: духовные чувства или физические переживания? Скорее и то и другое. Но почему ее физические ощущения не настолько сильны и приятны, чтобы можно было их отнести к любовным и страстным переживаниям. Инна поняла, что пока она остается холодной по отношению к Борису. А может быть она вообще не сможет в полной мере ощущать прелесть любви, может быть она фригидна. И тут впервые закралась крамольная мысль: «Надо попробовать это с другим мужчиной, который будет ей очень нравиться, и которого она будет хотеть. Но такого мужчины пока что нет, и возможно и не будет, если она выйдет замуж за Бориса». Их утренние встречи продолжались несколько раз. Инна стала все больше привыкать к Борису, появилась нежность и даже что-то подобное благодарности ему за то, что он есть у нее.

Однажды вечером Борис пригласил Инну в кино. Шел фильм, в котором главный герой, то же по имени Борис, ушел на войну, а девушка осталась ждать его. Дело было в Москве. Разволновавшись, Инна прижалась к руке Бориса и прошептала: «Как хорошо Борька, что сейчас нет войны и тебе никуда не надо уходить. Правда?» Борис кивнул головой и ничего не ответил. А когда вышли из кинотеатра, к ним вдруг подошел молодой человек и остановил Бориса.

– Инна, познакомься, это мой младший брат Николай, – представил его Борис. – А это моя невеста.

– Борька, давай отойдем на минутку, мне надо тебе кое-что сообщить, – кивнул головой Николай в сторону Инны и потянул за руку Бориса. Они отошли, а Инна осталась разглядывать театральные афиши, расклеенные на плоском щите. О чем говорили парни, она не слышала, да и не старалась услышать. Потом Борис оставил брата и подошел к Инне.

– Инна, у меня крупные неприятности. Я сейчас не могу идти домой. Там меня ждут. Можно я сегодня переночую у тебя?

– Какие неприятности, Боря? Кто тебя ждет? Как у меня переночевать, а что скажет мама?

– Я не могу тебе сейчас все это объяснить. Скажу только, что если я сейчас приду домой, то меня могут просто убить. Я знаю этих людей.

– Хорошо, хорошо Боренька. Раз надо значит надо. Пойдем быстрее.

А когда пришли, то из своей комнаты вышла Клавдия Васильевна и поздоровалась с Борисом.

– Мам, – сказала Инна, – Боря сегодня будет ночевать у нас. Ему сейчас некуда идти.

– ???

– Потом все объясню, а сейчас не задавай, пожалуйста, никаких вопросов. Все очень серьезно.

– Ну, ладно. Раз надо значит надо. Идите спать. – Клавдия Васильевна сделал недоуменную физиономию, повернулась и пошла к себе в комнату.

Впервые молодые лежали в постели, молчали и не пытались иметь близость. Потом Борис повернулся на бок и вскоре засопел. Инна подумала: «Что могло случиться? Могут убить, – вспомнила она слова Бориса, – наверное, что-нибудь натворил, может нужно пойти в милицию? Ах, нет, наверно то же нельзя. Стало быть, какой-то криминал. Что же ты натворил, Борька?» Она вдруг отчетливо осознала, что за всем этим стоит близкая разлука и может быть надолго.

Борька встал в пять утра, быстро умылся, выпил чашку чая, предложенную ему Инной, съел бутерброд с колбасой и все молча, не говоря ни слова. Уходя, он поцеловал Инну и сказал: «Меня не ищи. Ни у кого обо мне не спрашивай, что бы не было хуже, в том числе и тебе. Я наверно уеду, надолго. Потом тебе дам знать, как быть дальше. Вот и все. Помни, что это все очень серьезно. В милицию то же не обращайся». Не дожидаясь ответа, он закрыл за собой дверь и ушел в сереющее московское утро. В условленном месте его ждал Николай. Он принес ему спортивную сумку, в которой были собранные для него вещи и деньги, припасенные Борисом на крайний случай. Сейчас такой случай настал. Борис решил ехать на Север, куда часто уезжали желающие быстро подзаработать приличные деньги или которым просто некуда было податься. У Бориса там работал друг детства и он, уезжая в очередной раз, звал его туда. Борис тогда не уехал – не было нужды, но про себя отметил, что это удобное место на крайний случай. Далеко от центра, люди приезжают на работу со всего Союза, неразбериха, словом, там вполне можно затеряться и отсидеться. Ничего этого естественно он Инне не сказал. Не до любви, остаться бы живым и здоровым, а потом увидим, как быть дальше.

– Ты с ним живешь, дочка? – спросила заспанная Клавдия Васильевна, проснувшись раньше обычного. Она конечно плохо спала. Как тут уснешь, когда в соседней комнате за стеной на постели дочери лежит мужчина. Она сначала прислушивалась, но никаких движений не слышала, даже разговоров не было. Это было, по меньшей мере, странно. Так молодые обычно не спят. Это и подвигло ее на мысль, что Инна давно живет с Борисом. На вопрос мамы Инна лишь кивнула головой. Но не это сейчас было главным, не предстоящие разборки с матерью, а вопрос о том, что же все-таки случилось с Борисом, куда он уехал и как надолго.

Не дождавшись ответа от дочери, Клавдия Васильевна сказала:

– Значит живешь. И давно это у вас? И что с ним сейчас случилось? Куда это он, спозаранку побежал?

– Ой, мама, я сама ничего не знаю и не узнаю. Он не велел ни у кого расспрашивать, где он.

– Понятно. Поиграл с девчонкой и в сторону. А что бы никто не приставал, придумал какие-то сложности.

– Мама, не говори глупостей. Мы скоро собирались пожениться. Ведь ты знаешь об этом. А сейчас у него возникли проблемы, и некоторое время мы видеться не будем. А теперь мне пора в училище.

В училище наступили экзамены, и настроение у Инны было не самое подходящее для этого важного момента. Шли дни, и от Бориса не было никаких вестей. «Может быть, он и в самом деле все это придумал, чтобы не жениться на мне, – иногда так размышляла Инна, – правильно говорила мама, поиграл и бросил. Нет, не может быть. Он не был похож на прохвоста». По окончании училища Инна была распределена на работу в больницу на улице Дурова в терапевтическое отделение. Туда же получили направление и две ее подруги. Что ж, вместе веселее. Потом наступили каникулы и девчонки решили поехать в Крым все вместе на три недели. Мать Инны не была против этого: «пусть девочка развеется и отдохнет перед работой». Бориса она уже перестала ждать. Что бы там ни случилось, по всему видно, он к ней теперь не вернется. Теперь мать переживала за дочку. Она знала по себе, как нелегко оказаться обманутой, особенно в любви. И как она все это перенесет?

Инна вернулась с юга загорелая, посвежевшая, как будто и не было беды вовсе. Внешне она была похожа на спелый персик в соку. Ее подруги выглядели не хуже. Когда они пришли в терапевтическое отделение больницы, медперсонал, не сговариваясь, стал их называть «южанками». Девчонкам это нравилось.

Прошла зима, заканчивался первый год работы в больнице. Подруги собирались вновь поехать на юг во время отпуска. От Бориса никаких вестей не было. Лишь уже весной, в мае, Инна случайно встретила на улице Николая, брата Бориса. Они едва признали друг друга. Потом разговорились, и Инна узнала, что у Бориса действительно были серьезные проблемы. Он взял у каких-то людей деньги. Он должен был что-то купить или отдать их кому-то, Николай толком не знал, так как Борис не посвящал его. А деньги пропали, или он их потерял. Словом, эти люди пришли за деньгами, а узнав, что деньги пропали, грозились убить Бориса. Они могли это сделать, уж больно они походили на бандитов. Они потом еще приходили пару раз домой, справлялись, не появлялся ли Борис и куда он уехал. Угрожали даже ему, брату Бориса. В конце разговора Николай сообщил Инне, что Борис там, на Севере, встретил женщину. Она старше его на два года, была замужем. Теперь вот они поженились. Приехать домой он пока не обещался и обратного адреса не оставил. На том и простились.

От услышанных новостей о Борисе у Инны возникли противоречивые чувства. С одной стороны, она уже успела отвыкнуть от Бориса и смириться с потерей. С другой стороны, в ее душе возникло что-то похожее на пустоту, как будто какой-то кусочек ее души отлетел от нее. Ей стало обидно. Она расценила это как измену. Вечером она рассказала обо всем матери. Клавдия Васильевна хоть и не ждала возвращения Бориса, известие о том, что он женился, вызвало в ней негодование.

– Я как чувствовала, что так получится. Теперь мы с тобой обе брошенные женщины, ты и я. У меня хоть есть дочь, а у тебя?

– Что ты говоришь, мама? – возмутилась Инна. – Какие мои годы? Ты считаешь, что у меня не будет мужа и не будет детей? Вот увидишь. Я докажу тебе.

– Не надо, доченька, мне ничего доказывать. Конечно, у тебя все будет: и семья, и дети, а у меня внуки. Это я так из-за печали сказала. Ведь, правда, обидно стало мне за тебя и за себя. Прости меня, пожалуйста.

Дочь подошла к матери, сидящей на стуле, обняла ее голову, поцеловала и заплакала. Вместе с ней заплакала и Клавдия Васильевна. Выходит, что беда и печаль сблизили мать и дочь. Инна выбросила все из головы, что касалось Бориса. Она спрашивала сама себя, любила ли она его? Теперь она была убеждена, что никакой любви не было, а, скорее всего, простое девичье любопытство и слабость перед напором Бориса. И не с кем было посоветоваться. Ведь все это было впервые. А что собственно произошло. Только то, что когда-нибудь должно было произойти. Я стала хуже от этого? Ничуть. По-моему, даже лучше. Вон, мужики на улице так и провожают глазами. Поеду в Крым, может там встречу какого-нибудь достойного мужчину. Такие мысли успокаивали Инну и вселяли надежды. И это будущее пришло неожиданно.

Пришел июнь, последний месяц перед отпуском. В их отделении, где все течет спокойно как тихая река, вдруг случился небольшой переполох, в основном среди девчонок. На практику в отделение пришли студенты медицинского института. Два парня, один из которых был достойным того, чтобы понравится любой девчонке. Он был черноволос, синеглазый, стройный и интеллигентный с милым лицом и очаровательной улыбкой. Инне он сразу понравился, хотя она не успела обмолвиться с ним ни словом. В тот раз ей так и не удалось с ним познакомиться. Но пришло последнее ночное дежурство их практики. Они с другом разделились на два поста, бывшие в отделении, и Иван, так звали красивого юношу, достался Инне. «Это знак судьбы, – подумала Инна, – обязательно он будет мой». После всяческих процедур перешли к вечернему чаю. Миша, друг Ивана, достал из портфеля бутылку вина и предложил отме-

тить завершение практики. Достали все, что было на ужин, заварили чай и пригласили сестер. Одной из них была Инна. Вино выпили скрытно от посторонних глаз, съели свои бутерброды и допили чай. Миша отпросился домой, благо он жил недалеко от больницы на проспекте Мира, а к восьми утра, он намеревался вернуться в отделение, с тем, чтобы получить у заведующей отделением свидетельство об окончании медсестринской практики. Иван не стал возражать. Пусть хоть один выспится. У Инны затрепетало все в груди. Вот он момент, когда можно познакомиться поближе. Но Иван после ухода друга уселся в кресло и задремал, даже не поинтересовавшись, где будет спать Инна. Инна положила руки на стол, опустила голову, прижавшись щекой к рукам и тоже задремала. Выпитое вино слегка шумело в голове, ей представилось море, пляж и галька на нем, музыка и танцы. Все это очень скоро она увидит наяву. Не стоит думать о плохом.

Иван сквозь дремоту увидел, как открылась дверь палаты и к столу, за которым дремала Инна, подошел больной. Он тяжело и с шумом дышал. Иван узнал этого больного с бронхиальной астмой. Типичный ночной приступ. Иван не хотел, чтобы больной разбудил Инну и сам поспешил к столу.

– Не будите ее, сейчас я все сделаю сам. Ваша фамилия Иванов? – Иван достал историю болезни и посмотрел в ней назначения больному на случай приступа. Потом выбрал ампулу, достал стерильные шприц и иглу, набрал лекарство и подошел к больному. – Закати рукав. Вот так. – Затем он протер спиртом кожу и сделал укол. Все произошло быстро и безболезненно.

– Слава Богу, парень. Ты оказался во – время. Прямо совсем задышался. Вот, теперь стало лучше, – он посидел немного на стуле, задышал ровнее и тише, – жену тебе хорошую, парень.

– Есть у меня жена и хорошая. Идите спать. Теперь вам нужно поспать.

– Ну, тогда желаю тебе стать хорошим врачом, – не унимался больной. По всему было видно, что улучшение дыхания вернуло его к бодрствованию, и спать он совсем не хотел.

– Что здесь происходит? – подняла голову Инна, посмотрев сначала на больного, потом на Ивана. – Почему больной не спит? Отправляйтесь в палату, не нарушайте режим.

Делать было нечего. Эта медсестра была много строже будущего доктора. Больной встал, распрямил свою сутулую спину и пошел в палату.

– Инна, идите в кресло, вам надо поспать, а я подежурю, – он обнял ее за плечи и помог встать. Инна послушалась его и направилась к креслу, сказав при этом: «Спасибо». На этом кончилось их первое знакомство.

Прошло лето. Инна загорелая и посвежевшая вернулась из отпуска, который она провела на Черном море. Выглядела она великолепно. Многие девчонки ей просто завидовали. Она вскоре узнала, что сейчас в отделении работает молодой студент, один из тех, кто был летом на практике. Зовут его Иван Белецкий. При упоминании его имени у Инны вздрогнуло сердце. «Да, это он, – подумала Инна, – настал мой звездный час. Надо попробовать завлечь его». Такие вероломные мысли она вынашивала несколько недель, не зная как устроить так, что бы совпало ее ночное дежурство с дежурством Ивана. И вот такая возможность появилась. Придя на смену, она сразу увидела его. Высокий, стройный и синеглазый, он, был занят на своем посту и, казалось, не замечал ее. «Надо подойти, – подумала Инна, – и завязать знакомство». Как подумала, так и сделала.

– Здравствуйте, мы, кажется, с вами знакомы. Помните летом, мы дежурили ночью и с вами был ваш приятель, его звали Миша. Ведь так?

– Да, в самом деле, что-то припоминаю. Но тогда вокруг было столько девочек и все такие симпатичные, что запомнить кого-то отдельно было трудно. Вы уж не обижайтесь на меня за это. А как вас зовут?

– Инна.

Иван чуть было не сказал: «Так вы и есть та самая Инна, которая хочет меня «окрутить». Но вместо этого воскликнул: «Да, я теперь вспомнил. Вас звали Инна. Как я мог забыть такую милую девушку».

Инна улыбнулась, сказала, что ей приятно это слышать и ушла на свой пост. Началась обычная работа: инъекции, таблетки, микстуры, процедуры. И все надо успеть до прихода кухни. Он вспомнил слова Светы: «Кухня ждать не будет». Когда работаешь, время летит быстро. Вот и кухня, и посетители. Ивану показалось, что в воскресенье их было меньше. Жена больного Иванова с бронхиальной астмой подошла к Ивану и поблагодарила его за назначение корвалола, после чего приступы стали реже. Про себя Иван подумал, что это временное облегчение, надо лечить не симптом, а болезнь. В чем причина его бронхиальной астмы? И как она взаимодействует с аритмией предсердия? В этом случае было ни мало вопросов, на которые у Ивана нет ответов. Но это пока. Потом он обязательно разберется в этой ситуации, но не сейчас. А пока, снятие симптомов болезни – уже хорошо. Приблизительно так он объяснил жене Иванова положение дел, стараясь не слишком огорчать ее.

Пришло время пить чай. Инна приготовила стол, заварила чай и пригласила Ивана к столу. До сих пор у Ивана не было времени рассмотреть Инну и сейчас, когда сели пить чай, он поглядывал на нее не столь уж откровенно, чтобы не дать ей почувствовать его заинтересованность. Вместе с тем, Ивану было интересно узнать, каким образом эта на первый взгляд скромная девушка будет «влюблять» его в себя. Как будто сложилась некая партия, в которой у Ивана были определенные козыри. По крайней мере, он знал о намерениях этой девушки, а она, к сожалению, для нее, не знала об этом. Затянувшееся молчание прервал Иван:

- Вы давно здесь работаете?
- Второй год после окончания медицинского училища.
- Вам нравится работа медсестры?
- Трудно сказать. Но это скорее вынужденный этап. После училища нужно отработать два года.
- И что же дальше?
- Хотелось бы поступить в медицинский институт.
- Что ж, у вас высокие шансы. После медицинского училища и практического опыта работы с охотой берут на лечебный факультет.

Иван говорил все это со знанием дела, как человек искушенный в вопросах поступления в медицинский институт. Инна слушала его внимательно, соглашалась с ним, но не выказывала никаких признаков желания познакомиться с ним ближе.

- А правду говорят девчонки, что вы женаты?
- Правду, – Иван показал обручальное кольцо на своем безымянном пальце, – мы поженились этим летом, как раз перед моей практикой здесь. А теперь вот приходится расплачиваться за влюбленность. Я имею в виду искать способы заработать дополнительно денег. Вы знаете, их всегда мало. А вы не замужем?
- Нет, пока, слава Богу. Я думаю, что выходить замуж или жениться в молодые годы – это безумие, это добровольное рабство во всех отношениях.

Иван вскинул брови, как-бы выражая недоумение, и отхлебнул из чашки.

- Ну, посудите сами, – продолжила Инна, – вы такой интересный мужчина, молодой и скоро врач. Да вокруг вас девчонки будут роиться как пчелы на мед. А вы женаты. И что делать? А если вам понравится какая-нибудь и очень сильно, и завлечет вас, и между вами случится любовь. А жена будет помехой: и бросить жалко, и жить с ней дальше невозможно.

- Я как-то раньше об этом не подумал. Да и времени у меня было мало для этого. И девушек достойных я пока не встречал. Я думаю, что моя жена на сегодняшний день может спать спокойно.

– Ну, а если вам все-таки какая-то девушка очень сильно понравится, и вы захотите ее, и она будет хотеть вас. Любовная связь неизбежна. Что тогда?

– Не знаю. Мне трудно сейчас представить такую ситуацию, которую обрисовали вы. Конечно, в жизни все может быть, и такое вполне может случиться, но это уже будет другой разговор. Пойдемте лучше отдыхать, время за одиннадцать и свет уже погашен. Я прошлый раз неплохо устроился в кресле.

– А можно отдохнуть еще лучше. Вы сидели. Ну что это за сон сидя. Можно сдвинуть кресла, они довольно большие и лечь «валетом». Мы с девчонками так и делаем. Хотите попробовать?

– Ну что ж, давайте попробуем.

Кресла, которые стояли в коридоре больничного отделения, были достаточно большими, чтобы, удобно примостившись в них, скоротать ночь. А если их составить друг другу сиденьями, то получался довольно просторный диван с боковыми спинками и подголовниками. Со слов Инны медицинские сестры, дежурившие по ночам в отделении в свободные часы, когда больные спали, устраивались вдвоем, «валетом», не испытывая каких-либо неудобств. Но одно дело, когда на таком «диване» спят две девушки, совсем другое дело, когда вместо одной из них, на «диване» лежит молодой мужчина. В таком случае телесные контакты просто неизбежны. Ни к этому ли стремилась Инна, когда предложила Ивану сдвинуть кресла и разместиться там вдвоем?

Через несколько минут Иван устроился на импровизированном диванчике. Чуть позже еле слышно подошла Инна. Она была в белом халатике на пуговицах. Длина халатика едва прикрывала ее колени. Иван заметил, что произошли какие-то перемены во внешнем виде девушки, как будто она стала тоньше или что-то исчезло из-под ее халата.

– Ну как ты, – спросила она, подойдя к его изголовью, – тебе удобно?

Инна наклонилась к Ивану и нежно поцеловала его.

– Прости, пожалуйста, – прошептала она, – кажется, я слишком осмелела.

Затем она перешагнула через спинку кресла и легла рядом с Иваном. Лежать так, голова к ногам соседа, было не совсем удобно, зато их руки прикасались, и Инна слегка пожала пальцы рук Ивана. Было тихо, почти темно и тепло. Иван молчал, Инна тоже. Все вполне удобно и благоприспособлено, можно засыпать. Но не все было спокойно. Инна привлекла руку Ивана и положила на свое бедро под халатик. Иван погладил гладкую теплую кожу девушки и продвинулся дальше по ноге. Инна была еще решительней: она притянула руку Ивана еще выше. Затем еще дальше. Она держала его за руку, как-бы боялась отпустить ее. Возникло сильное возбуждение, что было совсем не к стати, так как обстановка больничного отделения не располагала к продолжению любовных ласк.

Через несколько минут Иван понял, что продолжение здесь невозможно и убрал свою руку.

– Давай попробуем уснуть, – прошептал Иван и сменил позу. Девушка сделала то же самое. Теперь они лежали спиной к спине, но тесный контакт оставался. Иван вновь погладил ее приятную кожу и, оставив так свою руку, задремал. Он не заметил, как начался рассвет. Казалось, он совсем не спал. Скоро слышались движения по коридору и звяканье металлических ведер. Это пришла санитарка для утренней уборки отделения. Иван быстро выбрался из кресла. Инна открыла глаза, и вяло махнула рукой, оставаясь лежать в кресле. Иван, чтобы избежать возможных кривотолков, подошел к своему столу, сел и стал разбирать бумаги, необходимые для отчета за смену. Не оборачиваясь, он почувствовал, как Инна выпорхнула с кресла и направилась в санитарную комнату для персонала. Там обычно девушки приводили себя в порядок. Иван был вынужден также пользоваться этой комнатой, так как другой не было. Подумав немного, он решил, что было бы совсем не плохо и ему умыться. Открыв дверь санитарной комнаты, он увидел Инну полуобнаженной с открытой грудью. Девушка умывалась,

и ополаскивалась, обмывая водой подмышками и грудь. Иван остановился, не зная, что дальше делать. Он пролепетал какие-то извинения. В ответ услышал приглашение присоединиться. Когда Иван подошел к свободной раковине, Инна выпрямилась и повернулась в его сторону. Он не мог сдержать себя и не прикоснуться к этой очаровательной округлой груди.

– Что мы с тобой делали? Вместо того чтобы спать, развлекались. Теперь ты не выспался, я тоже. Но я поеду домой, а ты на занятия. Каково тебе?

Вместо ответа Иван обнял девушку и крепко поцеловал ее в губы. Инна застонала и всем телом прижалась к нему. Недалеко от двери послышались шаги санитарки. Это она шла сюда за водой. Инна набросила халатик и продолжала процедуру умывания. Рядом с ней у соседней раковины умывался Иван. Вскоре закончилась их смена, и они попрощались друг с другом, возможно до следующего раза. Если он будет.

Инна пришла домой, и, наскоро позавтракав тем, что оставила ей мать, улеглась в свою постель. Она ощутила что-то вроде блаженства после неудобного диванчика в больничном отделении. Закрыла глаза, но уснуть не смогла. Ее грудь, бедра испытывали ноющее томление. На губах все еще оставался вкус поцелуя Ивана. «Как было бы хорошо, если бы он сейчас оказался здесь, в моей постели, – подумала Инна, – как бы это все случилось?» Она понемногу начинала понимать, что крепко привязалась к этому парню, что хотела его всей душой и всем сердцем, а еще больше хотела его любви и ласки много и долго, пока не покинут силы. Она сейчас подумала, что такого сильного влечения у нее не было раньше. Она даже застонала: «Иван, любимый, где ты?». Потом она подумала про себя: «Какая я все-таки дура. Я должна была пригласить его сюда. Он бы согласился, не пошел бы в свой институт. Он был готов, так жарко поцеловал меня. Мы бы сейчас были вместе и счастливы». Потом она вспомнила, что Иван женат и совсем не известно, как бы отнесся к ее приглашению: одно дело побаловаться с девчонкой, наконец, поцеловать, а совсем другое прийти сюда и заниматься любовью. Это означает изменить жене. А он кажется таким порядочным парнем, и жену любит крепко. «Да, к сожалению, первая моя попытка завладеть им ни к чему не привела. В другой раз я уже так не поступлю. Буду умней. А будет ли другой раз? Надо что-то придумать, чтобы был», – так, с мыслями об Иване и своими переживаниями Инна незаметно для себя заснула. А когда проснулась, опять вспомнила о нем: «Как бы хорошо вот так проснуться вместе с ним, – подумала немного, а потом решила, – да он и не хотел этого совсем. Кто предложил соединить кресла и спать вместе? Кто кого первый поцеловал? Кто притянул его руку к себе? Я, а не он. Вот теперь сама и расплачивайся за свою игру».

Глава 3. В больничной тиши

Прошло несколько недель, прежде чем вновь совпали смены Ивана и Инны. Они молча поприветствовали друг друга, как будто и не было той бессонной ночи в сдвинутых креслах. За чаем они вели спокойную беседу. Инна рассказывала о своем отдыхе в Крыму. Иван – о своем в Полтаве. Вспоминали какие-то смешные случаи. Как вдруг зажглась красная лампочка одной из палат на посту Инны. Это скорый вызов. Инна поспешила в палату. Иван следом за ней. В этой палате лежал тяжелый больной. Он был после инфаркта миокарда с тяжелой сердечной недостаточностью. Улучшения от проведенной терапии не было. Сейчас развился острый приступ сердечной недостаточности, что часто бывает после перенесенного инфаркта. Больной был в коме, сознание отсутствовало, взгляд напряженный, направленный в потолок, дыхание хриплое, неровное с шумным вдохом и тяжелым выдохом. Такое дыхание называют «Чейн-стокса», и когда оно развивается, это, как правило, фатальный признак. В таких случаях надо срочно вызывать дежурного врача, что Инна и сделала, нажав на посту кнопку вызова. Через минуту в отделение вошла молодая симпатичная доктор весьма похожая на шуструю девчонку.

– Что случилось? – обратилась она к Инне. Та указала на больного. – Так, понимаю. Это о нем говорили на пятиминутке. – Доктор послушала грудную клетку, легкие и сердце. – Сделай инъекцию, – она назвала лекарство, – хотя теперь уже бесполезно.

Инна сделала инъекцию. Потом поставили капельницу. Состояние больного не улучшалось.

– А вы и есть тот самый медбрат с четвертого курса? – немного с иронией взглянув на Ивана, произнесла молодой доктор. – Это у вас первый тяжелый случай?

– Первый, – подтвердил Иван, – то есть теоретически я понимаю, что с больным, но видеть в живую не приходилось. Можно я тоже послушаю его.

– Конечно, послушай. Очень характерная картина. Запомнишь на всю жизнь.

Иван взял свой фонендоскоп и подошел к больному. Слушал долго и тщательно. Доктор держала больного за руку, щупая пульс. Инна стояла в стороне от них, понимая, что дальше – дело врачей. Надо заметить, что на практике в медицинских учреждениях всегда есть определенная дистанция между медицинской сестрой и врачом. Никто об этом не договаривался, но это было так. Прошел еще час или чуть больше и больной перестал дышать.

– Все, скончался, – сказал кто-то из больных, лежащих в этой палате.

– Да, – подтвердила доктор, – давайте приберем здесь все.

Инна принялась за дело: удалила капельницу и вынесла штатив в коридор, убрала остатки ампулы, шприц и все, что оставалось на тумбочке. Затем они втроем выкатили кровать с умершим сначала в коридор, затем в конференц-зал. Оказывается, так делали всегда, когда кто-либо умирал в отделении. Через несколько часов покойного отправят в морг, а пока его тело будет оставаться в конференц-зале, главное, что не в палате. Инна собрала все, что было в тумбочке умершего, и положила в отдельный пакет. Это следовало передать родственникам. Инна была удручена случившимся.

Доктор взяла историю болезни покойного и обратилась к Ивану:

– Ну, что, коллега, пойдем в ординаторскую, там в спокойной обстановке составим эпикриз. Ты писал когда-нибудь посмертный эпикриз?

– Нет, не приходилось.

– Тогда тем более. Для тебя будет хорошая практика. А сестричка пока подежурит за двоих. Ладно? Ну, вот и хорошо. Пойдем, Иван.

При этом Анна Андреевна, так звали молодого доктора, с улыбкой посмотрела на Инну, и, получив ее молчаливое согласие, увела Ивана в ординаторскую, что была этажом ниже. Инне не понравился этот ход Анны Андреевны. Она ощутила что-то коварное в том, как доктор взяла Ивана под ручку и повела к выходу. В ординаторской горела настольная лампа, стоящая на одном из столов, располагавшихся в этой довольно просторной комнате. Это был стол Анны Андреевны. Она села и пригласила Ивана сесть рядом.

– Возьми стул и садись рядом со мной, будем работать. Мы с тобой еще не знакомы. Меня зовут Анна Андреевна, можно просто Аня. А тебя зовут Иван, я это уже знаю, потому что у нас на всю больницу только один медбрат. Это ты. Да еще такой красавчик, что по тебе все девчонки сохнут. Ну, может быть, за некоторым исключением.

Иван молчал. Ему было как-то неловко, что его старший коллега общался с ним за пани брата. Он привык за годы учебы относиться к докторам, как к старшим товарищам и еще не научился «хлопать их по плечу». Тем более что доктор была молодой и довольно привлекательной женщиной, может быть чуть старше его. Когда приступили к работе, он, старался незаметно поглядывать на Анну. В зеленоватом свете настольной лампы черты ее лица были мягкими, глаза были светлыми, а губки казались нарисованными искусным мастером. Работая, Иван все меньше думал о тексте эпикриза, ведь там было все ясно, а представлял себе милого доктора рядом с ним, в тесном контакте, совсем в другой обстановке.

– Иван, не отвлекайся. Ничего интересного на моем лице нет, разве лишь тушь на ресницах.

Анна достала из ящика стола маленькое зеркальце и посмотрелась в него, повертев слегка головой в разные стороны.

– Все в порядке, ничего не расплылось, ты что, Иван?

– Этот зеленый свет настольной лампы делает вас обворожительной. Я смотрю на вас и люблюсь.

– Ах, прекрати, – с улыбкой сказала доктор, – это все твои выдумки. Лучше прочти, что я здесь написала, добавь, если нужно что-нибудь, например, характер хрипов, сердечный ритм.

Иван прочитал составленный эпикриз, и на его неопытный взгляд, было написано все верно, лаконично и без погрешностей.

– Так. Теперь давай поставим свои подписи. Сначала я, потом ты.

– А как мне себя называть?

– Очень просто, – сказала Анна, – дежурный медбрат терапевтического отделения, студент 4-го курса медицинского института, а дальше, свои фамилию, имя и отчество. Ну, вот и ладненько. Эпикриз готов, запись в истории болезни то же. А теперь я предлагаю помянуть умершего, он был хороший старик и, наверное, многие будут оплакивать его.

Доктор подошла к книжному шкафу, где хранились истории болезни и какие-то книги, и достала из него бутылку «Гаваны», кубинского рома. Бутылка была не полной.

– Мы иногда пьем чай с ромом, очень вкусно, не пробовал? Давай помянем старика, он часто лежал у нас. Царство ему небесное.

Она разлила ром по чайным чашкам. Молча выпили, не чокаясь.

– Ты очень милый парень, Иван. Быть с тобой сплошное удовольствие. Говорят, ты женат. Поспешил. С твоими данными не следовало так торопиться с браком. Любая женщина была бы рада быть с тобой и без всякого брака. Как ты на это смотришь? Ну, ладно, это твое дело. Давай еще по одной.

Анна разлила ром по чашкам, и они выпили. Потом доктор оставила Ивана на время и отправилась в другой конец ординаторской. Там стоял кожаный диван, прикрытый наполовину ширмой. Вернувшись, Анна подошла к двери, и, повернув ключ, взяла Ивана за руку и подвела к дивану, на котором была расстелена белая простынь, а в изголовье лежала подушка. Она предложила Ивану раздеться, сняла с себя халатик и все остальное, что могло помешать

любовным играм. Объятия, горячие поцелуи и выпитый ром сделали свое дело. Иван почувствовал сильное возбуждение и легкое головокружение. Они опустились на диван. Доктор отдалась Ивану, не снимая медицинской шапочки с ее прелестной головки. Шапочка была приколота к волосам.

Когда успокоились, лежали немного рядом. Потом Анна прошептала:

– Ну, все, Ванечка, тебе пора идти. Там сестра одна, наверно заждалась тебя. Я все видела, как она заинтересованно посмотрела на нас, когда я взяла тебя под руку и повела сюда. Ты, наверно, ей тоже нравишься. Да, не забудь, прихвати с собой историю болезни и эпикриз.

На лице доктора сияла улыбка, а зеленые глазки светились светом настольной лампы. Как будто, это не она стонала, лежа в объятиях Ивана. К таким переменам Иван еще не привык. Хотя, впрочем, что в этом особенного. «Делу время – потехе час», – вдруг пришло ему на ум. Анна встала и, не одевая халат, крепко обняла Ивана, поцеловала в губы.

– Как бы я хотела продолжения всего того, что с нами произошло. Но это невозможно. Прощай.

Иван освободился от ее объятий и быстро вышел из ординаторской, стараясь не привлекать внимание медицинской сестры, сидящей на своем посту. В руках у Ивана были история болезни и эпикриз. Открыв дверь своего отделения, Иван подошел к столу Инны, положил на него бумаги, огляделся и только потом заметил маленькую девушку свернувшуюся клубочком в кресле. «Заснула, – подумал Иван, – так и не дождалась меня».

Утром Инна спросила: «Долго писали эпикриз?» «Не больше часа», – ответил Иван, и стал готовить бумаги к отчету. В это утро они больше не общались друг с другом. До конца дежурства Анна Андреевна так и не поднялась в отделение Ивана.

Прошли рождественские морозы и новогодние праздники. Наступила экзаменационная сессия. Иван любил это время. Когда не надо было каждый день ходить в институт, можно было четко спланировать свое время, связав его с работой в больнице. Узнав расписание экзаменов, а их в зимнюю сессию было четыре, он обратился к старшей медсестре, составляющей график дежурств, сделать так, что бы дни перед каждым экзаменом и в день экзамена были свободны от дежурств. В душе Иван сознавал, что вся эта его работа ему порядком надоела. Он устал, он все время хотел спать, да и денег она приносила в бюджет совсем немного. Но других доходов в семье не было, и Иван продолжал работать.

Однажды случилось так, что на соседнем посту в день его дежурства оказалась Инна. Иван сразу вспомнил их совместное дежурство и сон на импровизированном диванчике, разговоры о том, что она претендует на него, и все это ему показалось забавным. В тот день он сдал экзамен по кожным болезням, как всегда получил «пятерку», позвонил жене и обрадовал ее, а сам прямо из института поехал на работу. И сейчас, подумав, что было бы неплохо после успешно сданного экзамена, отметить это событие вместе с Инной, он попросил ее подежурить за него некоторое время. Через полчаса он вернулся в отделение, прихватив с собой к вечернему чаю бутылку крепленого вина. Подойдя к Инне, он сообщил ей об этом, сказав, что он сегодня сдал «противный» экзамен и приглашает ее на чай с вином по этому случаю. Инна не поверила своим ушам: Иван сам идет к ней на встречу, да еще с вином. Надо что-то придумать и сделать так, что бы ее мечты сбылись.

Приготовили вечерний чай, поставили чашки и разложили бутерброды. Иван открыл бутылку портвейна и налил в каждую чашку.

– Инна, прошу тебя, поздравь меня с успешной сдачей экзамена. Для меня это был противный экзамен, так как я пропустил много занятий и знал материал не так хорошо, как обычно.

– Поздравляю, Ванечка, и желаю, чтобы все другие экзамены ты также сдавал на «отлично».

Слегка прикоснувшись чашками, выпили до дна. Потом пили чай с бутербродами и не спеша пили вино. Иван тихо повел беседу.

– Работаем вместе, а почти не видимся. Я даже соскучился по тебе и рад, что сегодня мы дежурируем вместе. А ты?

– Ты еще спрашиваешь. Ведь ты знаешь, как я к тебе отношусь. Я измоталась с тех пор, как виделась с тобой в последний раз. Ты помнишь? Это когда ты ушел с Анной Андреевной. А ведь я ревновала тебя. Что вы там могли делать больше часа?

– Глупая, Инночка. Ты не можешь меня ревновать. У нас нет с тобой взаимных обязательств. Да и что мы могли там делать? Ты же знаешь, писали эпикриз.

– И все?

– И все. Потом я вернулся в отделение и задремал. Очень тяжелое было дежурство.

Иван встал, подошел к Инне, наклонился к ее лицу и нежно поцеловал в губы.

– Ты не возражаешь, Инночка, если я немного отдохну в кресле, пока кто-нибудь из больных не проснется. Очень я сегодня устал.

– Отдохни, мой хороший. Я пока уберу со стола.

Иван перешел в кресло. В отделение было тепло, несмотря на январские морозы. Удобно устроившись, Иван прикрыл глаза. Выпитое вино и хроническая усталость клонили ко сну. Больше всего на свете он сейчас не хотел, чтобы кто-нибудь из больных его разбудил. Он вспомнил сданный экзамен и подумал, что остался еще один, а потом каникулы, но не у него. У него работа, а пока можно отдохнуть. Он едва задремал, как к нему подошла Инна. Она уселась к нему на колени и стала нежно целовать его. Иван ответил ей поцелуем. Его руки двигались по ее бедрам, он ласкал ее. Все это вновь сопровождалось поцелуями. Потом Инна спросила: «Ты хочешь быть вместе со мной?» Иван продолжал целовать ее. Инна встала, взяла Ивана за руку и повела за собой.

– Пойдем в конференц-зал. Я раздобыла ключ. Там мы можем остаться вдвоем.

– А трупов там нет? – в полу шутку спросил Иван, памятуя о том, как они вывезли в зал умершего старика.

– Никого там нет, – также с улыбкой ответила Инна.

– Погоди, а как же больные? Если кто-нибудь выйдет из палаты, а никого из нас на посту нет. Что тогда?

– Ничего страшного, подождут немного.

Они вошли в конференц-зал, закрыли за собой дверь. Свет не стали включать. Из не зашторенных окон пробивался слабый голубоватый свет московской ночи. У стены под окнами стояли несколько заправленных больничных кроватей. Это были запасные кровати на случай, если будут внеплановые поступления больных.

– Иди сюда, – сказала Инна, снимая с себя белый халатик. Она предстала перед ним обнаженной и весьма соблазнительной в лунном свете.

– Иди же скорей, чего ты ждешь.

Иван несколько оторопел от такого поворота дел. Он никак не ожидал, что все может так стремительно привести их к любовной близости. Инна потиралила его. Действительно, в их положении мешкать было нельзя. В любую минуту в коридоре отделения мог образоваться кто-либо из больных. Быстро раздевшись, Иван присоединился к ней. Больничная кровать была достаточно узкой и их тела сразу же вошли в контакт. Иван ощутил прекрасные минуты любовной близости с очаровательной молоденькой женщиной, страстно желавшей его. Все получилось само собой, но уж очень быстро. Хотелось продолжения любовных ласк, но время играло не в их пользу.

– Наверно надо пойти посмотреть, нет ли там кого.

– Ты оставайся здесь, а я выйду ненадолго. Посмотрю, как там дела, а потом вернусь к тебе.

Иван остался лежать в кровати, Инна вышла в коридор. Иван почувствовал расслабление и успокоение. Лишь одна мысль робко пыталась проникнуть в его сознание. Хорошо ли он поступил? Наверно, плохо во всех отношениях. Он изменил жене и уже второй раз. Во всем виновата эта работа в медицинском учреждении. Надо кончать эту работу. А как же Инна? Она наверняка влюблена в него, раз проявляет такую настойчивость. На что она надеется? Какие у нее планы? Скоро уйду я отсюда, и все будет кончено. Я забуду ее, она забудет меня. У каждого будет продолжаться своя жизнь. Может быть, так и должно быть? Наверно, да. В это время вернулась Инна.

– Все в порядке. Никого там нет. Я даже успела принять душ. Как ты тут?

– Размышляю о нас с тобой. Мы явно влюблены друг в друга, но из этого ничего не выйдет. Я не свободен. Ты это сама понимаешь.

Вместо ответа Инна закрыла его рот своими губами и навалилась на него. Небольшая тяжесть ее маленького горячего тела пришлась по вкусу Ивану. Он откинул мешавшее им одеяло и продолжил любовные игры. Инна стонала и извивалась под ним, периодически сжимая его плечи и впиваясь своими руками в его спину. Она пыталась было закричать в любовном экстазе, но Иван во время прикрыл ее рот своими губами, горячо и крепко поцеловав ее. Это придало еще больше огня влюбленным, и они практически одновременно испытали любовный экстаз – совершенно новое и яркое чувство для Инны.

– За это можно все отдать, – переведя дыхание, прошептала Инна, – ничего подобного у меня никогда не было. Ладно, пора вставать. Пойдем, посмотрим, что творится в отделении.

Они встали, быстро оделись и вышли в коридор. Голубой свет тускло освещал их столы и кресла. Было тихо. Похоже, что все больные спали. Иван первым отправился в кресло. Инна последовала за ним. Ей хотелось общения. Она знала, что это, скорее всего, последнее их свидание. Хотелось многое сказать, объяснить, быть, наконец, правильно понятой этим для нее бесконечно любимым человеком. Хотелось знать его мнение обо всех их любовных делах.

– Ваня, ты не хочешь спать? Давай поговорим. Мне так хорошо, что я не могу об этом молчать. Ты знаешь, у меня до тебя был парень. Он очень ухаживал за мной, настаивал на близости, собирался на мне жениться. Он мне тоже нравился, и я уступила ему. Но я ничего подобного с ним не ощущала. Я уже думала, что я фригидная. Потом он сбежал от меня и я решила доказать себе и маме тоже, что я буду счастлива. Когда я впервые увидела тебя, еще летом, я поняла, что вот это тот человек, чью любовь я должна завоевать. И сегодня я поняла, что все свершилось. Я получила твою любовь. Я это почувствовала. Ведь ты не станешь отрицать. Это было так?

– Все так и не так, девочка. Мне, конечно, было очень хорошо с тобой, мне и сейчас приятно быть с тобой рядом. Но есть одно большое «но». У меня жена и я люблю ее. Может быть, моя любовь к ней не такая яркая, как была с тобой этой ночью. Но она постоянная, она связывает нас крепкими узами, и я должен тебя огорчить: ничто не сможет нас разлучить, если только не какая-то сила, которая сильнее наших чувств. Понимаешь, у нас семья и я несу ответственность за ее судьбу. Мне горько тебе об этом говорить, но это есть правда, что, конечно же, всегда лучше любой лжи. Ты согласишься со мной?

– Согласна. Но не отнимай сейчас у меня кусочек моего счастья. Не надо мне твоей суровой правды. Пусть будет хотя бы иллюзия моей победы. Я завоевала тебя, ну хотя бы на время. И сейчас ты мой, – Инна помолчала немного и затем спросила, – Иван, у меня к тебе последняя просьба. Обещай, что ты выполнишь ее.

– Если это не что-нибудь сверхъестественное, то выполню. Обещаю, проси что хочешь.

– Ванечка, ты можешь сегодня утром проводить меня домой. Я дома буду одна, мама на работе, я напою тебя чаем и потом ты свободен, хорошо?

Иван согласился. Он подумал, что на худой конец в оправдание перед женой он скажет, что ездил на консультацию перед последним экзаменом. Инна жила недалеко от улицы Дурова.

Через пятнадцать минут она открыла ключом дверь в свою квартиру на втором этаже нового дома в районе Марьиной рощи. Мамы дома не было и Инна по – хозяйски проводила Ивана в комнату, усадила за стол. Сама пошла на кухню, поставила чайник на плиту и отправилась в душ, чтобы взбодриться. Чайник подал жалобный писк, никто на это не среагировал. Он засвистел более требовательно. Иван тогда понял, что это чайник дает знать о своей готовности. Инна приоткрыла дверь ванной комнаты и крикнула: «Иван, выключи, пожалуйста, чайник. Я сейчас выйду». Иван пошел на кухню и повернул кран газовой плиты. Чайник испустил жалобный писк и затих, как-бы сдуся. Иван улыбнулся этому. У него не было такого удобного чайника. В это время в кухню вошла Инна в домашнем халатике и с влажными волосами. Иван обнял ее легкий стан и притянул к себе, поцеловав. Все это происходило естественным образом, без принуждения самого себя. Обнимать и целовать Инну доставляло Ивану удовольствие. Когда через три часа он шел в сторону метро «Проспект Мира» совершенно умиротворенный с блуждающей улыбкой на полусонном лице, в его голове настойчиво зарождалась мысль о том, что он сделает все возможное и невозможное, чтобы эти встречи не продолжались. Он боялся этих встреч с их приятным результатом, они могли перерасти в постоянную потребность и желание быть вместе с Инной, что, конечно же, не могло остаться незамеченным женой. Иван испытывал неловкость перед Людмилой, он чувствовал свою вину перед ней, он не хотел причинять ей боль. Время должно все расставить по своим местам. В этот момент он также решил окончательно оставить работу и полностью заняться учебой. Впереди летняя сессия, а потом врачебная практика, которую ждал он с необыкновенным воодушевлением.

Глава 4. Встречи с братьями

У Ивана было два брата: Олег и Игорь. Оба старше его, такие же красавцы, как и он, рослые, крепкие, статные. У старших братьев в отличие от младшего глаза были карие, не светлые, как у Ивана, но волосы были черные и густые. Все они еще с молодости пользовались большим успехом у девушек. Когда они жили на Сивцев-Вражке, местные девчонки их звали «три брата с Арбата», и каждая из них мечтала познакомиться с ними и возможно сблизиться. Такое знакомство считалось престижным и братья, не испытывая отказа со стороны девушек, изрядно пользовались этим. Но прошло время, и братья покинули переулки Арбата, где проходила их безмятежная юность, двое из них создали семьи и разъехались по разным московским адресам. Старший, Олег, оказался на Ленинском проспекте, младший, Иван – на Филиях, у метро Багратионовская. Но средний брат, Игорь, все еще оставался холостым к печали его матери, Ольги Григорьевны. Когда Игорь вернулся из армии и поступил работать на авиационный завод, он предался вольности и свободе. И родители, и его братья все больше приходили к мысли, что Игоря надо женить. Но на ком? В отличие от своих братьев он был достаточно скрытным парнем, ни с кем не делился своими успехами на личном фронте, так что никто толком не знал, есть ли вообще среди его знакомых женщин такая, что могла быть названа невестой.

Братья встречались не часто. Их встречи чаще всего происходили благодаря стараниям родителей. Время от времени те устраивали у себя дома на Малом Могилыцевском переулке обеды по воскресеньям. Обзванивали сыновей и приглашали их к себе. Ольга Григорьевна готовила свое фирменное блюдо: жареное рагу из свинины на косточке с картофелем, испеченным в духовке. А к чаю подавала рассыпчатое и чрезвычайно вкусное печенье. Братья привозили водку, не много, но ее вполне хватало для начала обеда. Иногда на таких обедах присутствовали и родители Аллы – жены Олега. Но этой зимой они бывали редко. Их дочь, наконец-то забеременела, и они ждали потомства. Предпочитали оставаться дома с беременной дочерью, опасаясь, как бы чего не приключилось раньше времени. Но Олег никогда не пропускал такие родительские обеды. Оставался на них и Игорь, но ненадолго. Его интересы, как всегда уносились в неизвестные для всех места.

– Игорь, ты бы хоть посидел с братьями, да с родителями, – укоряла его мать.

– Успею еще насидеться, а сегодня мне некогда, – отвечал он на ходу и закрывал за собой дверь квартиры.

Иван и Люся тоже любили бывать на таких обедах на Арбате. Люся всякий раз спрашивала Ольгу Григорьевну рецепт приготовленных ею блюд. Особый интерес она проявляла к печенью. Но та всякий раз давала свои пояснения не совсем понятно.

– Ну, как? – отвечала она, – беру тесто, потом потру, потру, затем сохнет, сохнет, а потом в духовку.

Вот так, ни сколько брать теста, ни как долго тереть, ни сколько времени выпекать – все это оставалось загадкой. Позже Люся сама научилась выпекать такое печенье, но это было методом проб и ошибок и много теста ушло в мусорный ящик.

Но в этот выходной день, когда Ивану не нужно было идти в больницу на дежурство, он ждал прихода Олега к себе. Тот позвонил накануне и сообщил о своем намерении посетить брата.

– Ты знаешь, Алла скоро родит и тогда уж точно не будет времени для встреч. А хочется поговорить с тобой, столько новостей накопилось за последнюю осень.

– Что ж, приезжай, будем рады тебя видеть.

Люся к приезду Олега приготовила свиное рагу на манер того, что готовила Ольга Григорьевна с жареной картошкой. Олег привез бутылку водки.

– Ну, как живешь, брат? Ты говорил, что работаешь медбратом, – с усмешкой на губах стал расспрашивать Олег, – а это не повредит твоей учебе?

– Пока все идет нормально. Вот последнюю сессию сдал все на пятерки. Но чувствую, что устал, да и новые предметы появятся в новой сессии. Придется, наверно, кончать с этой работой. Впереди медицинская практика. Надо как следует подготовиться к этому, что бы не было стыдно перед больными. Ну а ты как, брат? Кажется, у тебя пошел последний курс? Какие планы на дальнейшее?

– Не о планах мне сейчас хотелось бы с тобой поговорить. Об этом потом. А сейчас хотел бы узнать твое мнение по поводу последних перестановок в правительстве страны. Ты, Иван, теперь взрослый человек и понимать суть происходящего обязан.

– Ну, так я и понимаю. Был Хрущев, прошло его время, натворил ни мало дурацких дел, чуть не вверг мир в ядерную катастрофу. Теперь его сняли и правильно сделали. А кто такой Брежнев, я пока не знаю, да и зачем мне это? Впереди столько дел, врачебная практика, учеба, да теперь еще и работа. А ты говоришь, политика.

– Все это так, Иван, и не так. У тебя должна быть своя гражданская позиция. Вот послушай. Тебе наверно известны такие факты, что за время правления Хрущева, которое длилось с 1953 года, темпы роста производства и уровень жизни населения в стране сократились в 3 раза. В то же время огромные средства, порядка 500 миллионов долларов в год, тратились на помощь странам третьего мира. А для своего народа? Что хорошего он сделал, кроме того, что построил убогие пятиэтажки. Освоили целину, а в результате получили пыльные бури, а хлеб как покупали, так и покупаем за рубежом. В прошлом году хлеб закупали на золото у США – своего стратегического противника. Ты наверно помнишь, как год назад муку распределяли через домоуправление. А заметил ли ты, что в столовых убрали тарелки с бесплатным хлебом? Бери – не хочу. Еще плакат призывал брать хлеб в меру. Где он теперь? Это все следствие экономических провалов властей. Он все решал сам, вот и дорешался. Народ справедливо был недоволен его политикой. Ты помнишь события в Новочеркасске и других городах, о которых мы слушали в «Голосе Америки». Ты наверно тогда мне не верил? А ты знаешь о том, что колхозники сейчас почем зря ругают Хрущева за то, что он ужимал их возможности с личным подсобным хозяйством. Для большинства из них огород – это источник существования. А что он сделал с нашим отцом, вернее с нашим домом в Полтаве? Был дом, и нет его.

Олег продолжал рассказывать Ивану о проделках Хрущёва, как он ругал художников-авангардистов на выставке в манеже.

– Ты должен помнить эту выставку, Иван. Ты был там, и что плохого в этих картинах? Но не это главное. Оказывается, к числу недовольных примкнули еще и верующие, после того как в стране началось массовое закрытие церквей. Армия, милиция и КГБ были недовольны им из-за реорганизаций и массовых сокращений.

На партийных интригах Хрущев собаку съел, еще, когда пребывал в ближайшем окружении Сталина. А в 57-м году, когда Хрущева хотели стащить с поста первого секретаря Партии его же соратники Молотов, Маленков и Коганович только вмешательство Жукова спасло его. И чем он отблагодарил героя войны? Он был дискредитирован самим же Хрущевым и отправлен в отставку. Ну, как тебе такое?

– Послушай, Олег, а откуда у тебя такая информация? В печати я такого не читал. Наверно, опять «вражеские голоса»? Смотри, дослушаешься до неприятностей.

– Ну, ладно. Давай вернемся на нашу грешную землю, а то я вижу, Люся заскучала. Я к чему тебе все это рассказываю? Хочу, чтобы ты имел правильные ориентиры в жизни. Не поддавайся всякого рода пропаганде, а уверенно делай свое дело. Станешь крепко на ноги, тогда и будешь решать, как жить дальше и что нужно делать.

Они выпили еще по рюмке и закусили свиным рагу.

– А ты знаешь, – произнес Олег с улыбкой, – а она у тебя славно готовит, мясо вкусное, не хуже, чем у нашей мамы. Да, я хотел рассказать тебе о своих ближайших планах после института. Есть у меня мысль уехать отсюда к чертям собачим. Не будет здесь нормальной жизни, пока будут Советы. Ты думаешь, с приходом Брежнева что-то изменится в лучшую сторону? Страна станет богаче, и люди будут жить лучше? Вот пройдет год, два и сам увидишь, что ничего не изменилось к лучшему. У меня сейчас появились друзья, не буду говорить кто они, но у них те же планы, что и у меня: покинуть эту страну. Правда, скоро должен родиться ребенок, ведь не бросишь его без отца. Так что теперь придется немного подождать.

Потом братья заговорили об Игоре.

– Что-то надо решать, пропадет парень. Самое страшное – стал много пить. Совсем недавно он потерял деньги, казенные, партийные взносы. А я так думаю, что не потерял, а пропил. Он попросил меня достать денег, чтобы закрыть это дело. Я, конечно, помог ему, но ведь это партийное преступление и если такое еще повторится, то его просто могут выгнать с работы и исключить из партии. Тогда брат совсем пропадет. Я думаю, его надо срочно женить. У тебя, кстати, нет на примете хорошей девушки? Или у тебя, Люся? Я помню, у тебя были симпатичные подруги.

– Да, были. Но где они сейчас? Как уехала со Смоленской, так и растеряла все связи. Есть одна подружка, симпатичная. Я познакомила Игоря с ней пару месяцев назад, но, как узнала от нее, они больше не встречаются. Не знаю, что там произошло, но вот теперь расстались, а, по началу, казалось, что была любовь. Она поверила ему, а теперь все. Вообще, я скажу тебе, что он уж больно буйный какой-то и заносчивый.

Вскоре братья расстались, и Иван проводил Олега до метро.

Через пару дней к Ивану позвонил Игорь. С обидой в голосе он сказал, что они пренебрегают им, не хотят с ним встречаться, а потом еще и упрекают в том, что тот никак не женится.

– Может быть, я хотел показать вам свою новую девушку, возможно потенциальную невесту. Я ведь не могу решать этот важный вопрос, не посоветовавшись с братьями.

– Что ж, если есть такое желание, то приезжай ко мне в следующую субботу со своей девушкой. У меня как раз будет последнее дежурство, потом я свободен. Тебя устраивает мое предложение?

– Сейчас прикину, – Игорь помолчал немного в трубку и затем сказал, – пожалуй, можно. Давай часов в шесть, семь вечера. Приготовь что-нибудь на ужин, а я прихвачу водочки.

На том и сошлись. У Ивана начался новый семестр и, ознакомившись с перечнем новых предметов и расписанием занятий, он понял, что не потянет все это, если будет продолжать работать в больнице. Сказывалась усталость, да и сам статус медбрата стал удручать его. Все-таки скоро кончится четвертый курс, а там врачебная практика, где Иван будет выступать в роли врача наедине с больными. Но только не на сцене и не в спектакле, а в реальной жизни, где от действий врача будет зависеть здоровье человека. И новые дисциплины, предлагаемые сейчас студентам, как раз и определяют успешную врачебную практику. В их числе в первую очередь, терапия, хирургия и акушерство и гинекология.

Люся на ужин поджарила сардельки, хотела шпикачки, но их в магазине не было, на гарнир был зеленый горошек, а на закуску – маринованный огурчик. Игорь приехал в семь часов. С ним была девушка лет двадцати двух, черноволосая и светлоглазая с короткой прической. Выглядела она весьма привлекательной, была не высокого роста и с умеренным бюстом. Ее улыбка понравилась Ивану, ему даже показалось, что она очень этого хотела. Игорь вошел в комнату уверенной поступью. После переезда Ивана он был здесь однажды, да и то спешил куда-то. Сейчас он рассматривал немногочисленные предметы мебели, люстру, бра над спальным диваном, потом приблизился к обеденному столу, который стоял посреди комнаты, и с одобрением заметил:

– Да, брат, неплохо вы живете. Все на своих местах, чисто и уютно: белая скатерть, посуда, удобные стулья. Вот, что значит, во время женился. И вообще, хоть ты моложе меня, но обскакал по всем статьям, – в интонации Игоря чувствовалась похвала старшего брата.

Люся принесла большое блюдо с жареными сардельками и зеленым горошком и пригласила всех к столу. Первый тост был за хозяйку дома. Чуть позже Игорь пригласил Ивана покурить.

– Где у вас тут курят? Проводи меня.

Курили обычно на лестничной клетке. Курили гости, но Иван не курил, хотя с удовольствием составлял компанию курящим.

– Ну как тебе Наташка? Вроде симпатичная, да?

– Симпатичная, – согласился Иван, – а ты давно знаком с ней?

– Да нет, это третье свидание. Пока что ничего не было. Может быть, устроишь мне ночлег? Зима, деваться некуда. А я и магнитофон с собой прихватил. Послушаем музыку, потанцуем.

– Кресло-кровать тебя устроит? Правда, тесновато будет. Но для тебя может быть так даже лучше?

– Годиться. Ну, пойдем, а то девчонки заждались.

Когда Иван пригласил на танец свою Люсю, он полупшепотом сообщил ей о просьбе Игоря оставить его с Наташкой на ночь. Люсе не понравилось это, но отказывать брату она не могла. Позже Игорь пригласил на танец Люсю. Нужно сказать, что Люся давно уже нравилась Игорю и если бы не Иван, он бы с удовольствием приударил за ней. Он даже к свадьбе привез ей ведро тюльпанов из Киргизии, где был в очередной командировке. И сейчас он танцевал с ней, загадочно улыбаясь, что-то говоря в полголоса. Иван танцевал с Наташей. Неожиданно она оказалась настолько близко от него, что он ощутил ее тело. Ему показалось, что с каждым движением она прижималась к нему все больше и больше. Заглянула в глаза Ивана и с улыбкой негромко сказала:

– Я так рада, что Игорь привел меня сюда, и я познакомилась с тобой. Он мне и раньше говорил, что у него симпатичные братья, но ты превзошел все мои ожидания.

Иван боялся, что ее может услышать Игорь, а еще хуже – Людмила. Она была достаточно ревнивой, и могли потом случиться неприятности. Но музыка звучала громко, а Люся все больше прислушивалась к тому, что ей говорил Игорь.

– А какие у вас отношения с Игорем? Ведь он тебе нравится, и ты может быть даже готова выйти за него замуж. Или я ошибаюсь?

– Об этом не было речи. Скорее всего, он просто хочет переспать со мной.

– Ну, а ты как на это смотришь?

– Пока не знаю. По крайней мере, сейчас, после знакомства с тобой, я не стремлюсь к этому.

– Так что же тебе не нравится в нем?

– Многое, а главное, в нем нет того, что есть в тебе?

– Чего же?

– Интеллигентности. Ты и говоришь совсем не так, как он, и голос у тебя другой, ровный и искренний. Когда тебя слушаешь, хочется верить тебе. У Игоря все не так.

Иван танцевал с этой девушкой, слушал ее, а сам старался сдерживать зевоту. Ведь он прошлую ночь был на дежурстве и почти не спал. Наконец, он почувствовал, что его гости тоже утомились. Игорь пошел в очередной раз покурить. Люся стала разбирать постели. Иван раскрыл кресло-кровать. Погасили свет, и Наташа стала раздеваться. Иван видел все это, хотя и силился не смотреть в ее сторону. Очень скоро он уснул и спал всю ночь, не просыпаясь. Утром Люся нашептала ему, что у Игоря и Наташки, по всей видимости, так ничего и не полу-

чилось: они долго о чем-то говорили, даже ссорились, потом Игорь опять пошел курить. Потом пил воду и лишь ближе к утру уснул.

– А откуда ты знаешь все это? Ты что не спала совсем?

– Спала, но с перерывами. Ну как тут уснешь? Я боялась, как бы чего не вышло плохого. Игорь все-таки резкий парень, мог бы, и ударить Наташку. Сегодня воскресенье, давай еще поспим немного.

За окном только начинался рассвет, и в комнате было почти темно. У окна в кресле-кровати спали Наташа и Игорь. Было довольно жарко, и Наташа откинула одеяло. Иван мог разглядеть ее обнаженную ногу, слегка согнутую в колени. «Симпатичная женщина», – подумал Иван, и утренний сон унес его к сновидениям.

Проснулись, когда уже было совсем светло. Начались утренние хлопоты: уборка постелей, туалет, утренний чай. Игорь и Наташа молчали и даже не смотрели друг на друга. За обеденным столом возникла неловкость, перерастающая в напряжение. Позже Игорь предложил Люсе сходить с ним в магазин. Та согласилась. Ивану он строго-настрого наказал не отпускать Наташку, если она оденется, то раздеть ее. Наказ старшего брата надо выполнять. Прошло минут пять, как ушли Игорь и Люся, Наташа вышла в коридор и взяла с вешалки пальто. Иван за руку вернул ее в комнату, сказав:

– Игорь мне не велел тебя отпускать. Сказал, если станешь одеваться, то раздеть тебя.

– Раздевай, я не стану сопротивляться, – ответила Наталья, оказавшись ненароком в объятиях Ивана, – только раздевай уже до конца.

Девушка потянулась к Ивану и робко поцеловала его в губы. Возникла пауза. Иван не знал, как реагировать на этот жест. Совсем скоро Игорь и Люся должны вернуться домой. Послышался поворот ключа в замке первой двери. Наташа взяла салфетку, достала из сумочки ручку и быстро написала свой телефон. Когда Игорь открывал дверь в комнату, она успела передать листок Ивану, слегка пожав его руку. На столе появились две бутылки молдавского белого вина и торт «Сказка». Такой торт больше других любил Игорь и обычно покупал его, а вино, наверно, должно было заменить чай. Немного позже Наташа собралась уходить. Игорь не стал ее задерживать. Оставшиеся посидели еще немного, съели торт, выпили вино и Игорь попросил Ивана проводить его.

– Давай зайдем в магазин, – предложил Игорь брату, – может быть, выпьем немного водки, а то у меня от этого вина голова стала тяжелой.

В углу магазина была буфетная стойка. Здесь продавали соки, пирожные и разные бутерброды. Рядом – три высоких круглых столика. Обычно здесь пьют сок или кофе с молоком. Иногда распивают водку или вино. Братья тоже решили выпить немного водки.

– Ну, вот, совсем другое дело, – заметил Игорь, закусывая бутербродом с ветчиной.

– Да, так пожалуй лучше, – согласился Иван, – ты не хочешь мне рассказать, что у тебя с Натальей?

– Ничего интересного. Я просто так вам сказал, что собираюсь на ней жениться. Ничего хорошего в ней нет. Полночи не спал, так и не отдалась, «динамо». Говорит, что не любит меня. Ну, и пошла она...

– А как у тебя дела с Любой, с которой тебя познакомила Люся?

– Ты знаешь, сначала все было хорошо. Мне даже показалось, что мы любим друг друга. Мы говорили о возможной женитьбе. У нас была близость, но потом я понял, что ошибся. Сейчас мы больше не встречаемся

– Понятно, значит нужно продолжить поиск невесты для тебя.

Эстафету подхватила их старшая сестра Света. Она решительно заявила, что у нее на примете есть хорошая кандидатура. Светленькая, курносенькая, симпатичная. Немного полновата, но зато спокойная и с золотым характером. Живет с мамой, больше никого нет, и ни с кем не встречается. Ближе к весне она познакомила Игоря с потенциальной невестой. Звали

ее Галей. Игорь ей понравился, и она с удовольствием принялась обхаживать его. Светлана предупредила Галя, что у Игоря есть недостаток: он любит выпить. Галя на это ответила:

– У меня пить не будет.

Сказано было решительным тоном и сватовство продолжалось. Скоро Игорь действительно перестал выпивать, не считая редкие дни, когда Галя и сама могла составить ему компанию. За последнее время у него заметно улучшились дела на работе, увеличилась заработная плата. Словом, знакомство с Галей пошло ему на пользу и стало ясно, что в скором времени они поженятся. Ольга Григорьевна с облегчением вздохнула.

У Олега родилась дочка с карими глазками и черными волосиками. Назвали ее Марией или просто Машей. Олег привязался к девочке всей душой. Микроклимат в его семье заметно улучшился. У Олега появились новые заботы – здоровье и воспитание дочери. В разговорах с Иваном он все реже критиковал правительство и совсем не говорил о необходимости уехать из страны. Иван радовался этим переменам, но зная характер брата, которому всегда было не по душе ровное течение реки, а нужны были пороги и перекаты, опасался, что это душевное его благополучие продлится не так долго, как хотелось бы.

Прошло некоторое время, но Иван так и не воспользовался запиской с телефоном Наташки.

Глава 5. Преддверие практики

Шел к концу четвертый курс, вслед за которым начиналась врачебная практика. Иван часто вспоминал своих учителей, профессоров, у которых Ивану посчастливилось добывать крупницы медицинских знаний. Это действительно были крупные ученые и опытные преподаватели. Среди них, конечно же, такие гиганты как Жданов и Талызин, Анохин и Збарский, Дебов и Тареев. Были и другие, с которых просто хотелось брать пример, они все больше для Ивана становились образцом для подражания. Таким как они Иван хотел видеть себя в перспективе. А пока продолжалась изнурительная учеба и подготовка к врачебной практике.

На кафедре терапии в течение двух месяцев студенты вели «своих» больных. За каждым была закреплена больничная палата и четыре или шесть больных. Ежедневный обход, осмотр, записи в историю болезни, поступления новых больных, лекарственные назначения, выписные эпикризы и еженедельные доклады на врачебных конференциях. Все это не допускало какой-либо халтуры, особенно пропусков занятий, которые могли бы случаться, если бы Иван продолжал работать в больнице. Да и сам статус медбрата на фоне его конкретной, пусть еще учебной работы, в качестве начинающего врача терапевта, уже никуда не годился. Без ложной скромности, Иван рос в собственных глазах ежедневно. Это чувствовал не только Иван. Его товарищи-сокурсники также превращались из начинающих молодых студентов, позволявших себе некоторые шалости, в степенных и уверенных в себе людей в белых халатах.

Конечно, в этот период занятия требовали от студентов максимальных усилий, чтобы быть в тонусе, которые задавали им преподаватели. Всякая недобросовестность выявлялась незамедлительно, порой в виде случаев одновременно смешных и грустных. Как-то, на этапном зачете по болезням дыхательной системы профессор принимал зачет у товарища Ивана по группе, не отличавшегося большими стараниями в учебе. Ему достался билет по хроническим болезням легких, который сопровождался рентгеновским снимком легочной ткани с выраженным казеозным некрозом. Такой некроз по-русски называли «творожистым». Боря, так звали этого студента, сидел справа от Ивана, который уже подготовил ответ на свой вопрос и ждал очереди, когда Боря закончит мямлить. Он долго рассматривал рентгенограмму, вертел ее и так и сяк. Он, конечно, понимал, что перед ним снимок легких, но что хочет от него профессор, он понять не мог. Боря как-бы случайно показал снимок Ивану, так чтобы он оказался против окна и тот смог бы рассмотреть картину легочной ткани. Он сумел это сделать, и Иван без проблем определил характер некроза. Но как подсказать Боре, чтобы профессор не услышал, а Боря смог бы понять, что сказал Иван. Иван показал жестом, как будто он ест что-то ложкой, но как Боря мог понять, что речь идет о твороге? Для этого надо было хоть раз услышать этот термин. Слух Бори в свое время не соприкоснулся с этим словом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.